

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Учебно-практическое пособие

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2017

УДК 343.13
ББК 67.629.3

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»

Рецензенты

О. С. Колосович, зам. начальника кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
канд. юрид. наук, доц.;

Е.И. Фролова, зам. начальника СУ МУ МВД РФ «Иркутское» —
начальник Следственного управления

Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве:
учебно-практич. пособие / сост. В. А. Ващенко, М. М. Деркач,
С. Г. Загорьян, Л. П. Плеснёва. — Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД Рос-
сии, 2017. — 84 с.

Настоящее учебно-практическое пособие посвящено комплексному
исследованию процессуального порядка использования специальных зна-
ний в уголовном судопроизводстве в свете действия современного уголов-
но-процессуального законодательства.

Предназначено для использования в практической деятельности
органов дознания, а также для курсантов и слушателей образовательных
организаций системы МВД России

УДК 343.13
ББК 67.629.3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Развитие специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве России: исторический опыт и современные проблемы.....	6
Глава 2. Понятие и сущность специальных знаний в судопроизводстве.....	26
Глава 3. Понятие и значение судебной экспертизы в установлении истины по делу.....	33
Глава 4. Процессуальное положение специалиста.....	39
Глава 5. Показания эксперта как источник доказательств.....	45
Глава 6. Заключение эксперта как источник доказательств.....	49
Глава 7. Проблемные вопросы производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.....	53
Глава 8. Производство отдельных видов нетрадиционных экспертиз.....	61
Глава 9. Обзор следственной и судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертиз, а также привлечению специалистов при расследовании уголовных дел.....	67
Заключение.....	80
Список рекомендуемой литературы.....	81

ВВЕДЕНИЕ

История развития органов правосудия и правопорядка является одновременно историей использования научных достижений в практике борьбы с преступностью. Так, эффективная правоприменительная деятельность в наши дни немислима без использования самых современных достижений различных областей научных знаний и передовой технической мысли. Издавна учёные разных областей науки выступали в качестве экспертов в судебных процессах, оказывая существенную помощь в установлении обстоятельств преступления. Именно их знания помогают осуществлению правосудия по уголовным, административным и гражданским делам. Только экспертам, а в последнее время и таким участникам уголовного процесса, как специалисты, доступен голос «немых свидетелей» — вещественных доказательств. Именно эксперты, специалисты переводят этот язык вещественных доказательств на понятный каждому следователю язык заключений.

В настоящее время, когда преступность имеет высокую техническую оснащённость и организованность, в значительной мере осложняется процесс расследования и раскрытия преступлений и повышается доказательственная роль всех видов экспертиз. Также немаловажным при доказывании становится заключение специалиста, которое является полноправным и полноценным доказательством в уголовном судопроизводстве.

Судебная экспертиза — это самостоятельная процессуальная форма доказательств, получаемых с использованием научно-технических средств и методов для установления истины по уголовным, гражданским делам, делам об административных правонарушениях и др. Кроме того, судебная экспертиза является основной процессуальной формой использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве. Её сущность состоит в анализе по заданию органа расследования, суда, сведущим лицом — экспертом представляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы (вещественных доказательств), а также различных документов с целью установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. По результатам исследования эксперт составляет заключение, которое служит одним из предусмотренных законом источников доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нём — доказательствами.

Действующее в России процессуальное законодательство, а также Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования правового и методического обеспечения судебных экспер-

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности федер. закон Рос. Федерации: от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ // Рос. газ. — 2001. — 5 июня.

тиз. Поэтому необходимость объективизации процесса доказывания способствует расширению сферы использования судебной экспертизы в судопроизводстве и развитию института судебных экспертиз: совершенствуется процессуальное законодательство; развиваются новые виды судебных экспертиз; обеспечивается возможность выполнения экспертиз в государственных и негосударственных экспертных учреждениях, а также частными экспертами.

Но экспертиза — это не просто следственное действие, в результате проведения которого можно получить доказательства. Заключение судебной экспертизы является источником доказательств только при условии, если в нём содержатся сведения, являющиеся значимыми для проводимого расследования или судебного разбирательства. Судебная экспертиза направлена на выявление именно тех обстоятельств, которые способны подтвердить или опровергнуть факты, имеющие юридическое значение.

Специальные знания являются важным процессуальным институтом, устанавливающим основания участия сведущих лиц в расследовании преступлений, а равно условия применения этих знаний в уголовном процессе. Но в действующем законодательстве отсутствует их чёткое понимание, что порождает многочисленные вопросы и сложно разрешимые ситуации на практике.

Глава 1.
РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В конце XIX в. один из создателей криминалистической науки Ганс Гросс так писал о роли специальных познаний в раскрытии преступлений: «Без сомнения, важнейшим вспомогательным средством, имеющимся в распоряжении судебного следователя, являются лица сведущие, заключения которых часто оказывают решающее влияние на дело»¹.

Обращение к сведущим лицам за разъяснением специальных вопросов, возникающих в процессе раскрытия преступлений, расследования и судебного разрешения уголовных дел, в наши дни стало вполне привычным явлением в сфере уголовного судопроизводства. Но так было не всегда. С трудностями, которые в уголовном процессе вызывало обращение к специалистам, приходилось сталкиваться всякий раз, когда наука предлагала использовать что-то новое для решения возникающих вопросов. Скептическое отношение участников судопроизводства к мнению сведущих лиц, приглашаемых для решения специальных вопросов, было обусловлено, с одной стороны, относительно низким уровнем развития науки и техники в тот исторический период, когда данный процессуальный институт переживал период своего становления. С другой стороны, — недостаточной осведомлённостью самих «судебных деятелей», которые, не понимая сути проводимых исследований, вынуждены были оценивать их результаты интуитивно. Судьба многих отраслей криминалистической техники — наглядное тому подтверждение. Вот как, к примеру, оценивал известный адвокат С. А. Андреевский результаты почерковедческой экспертизы, проведённой по делу Марии Елагиной, которое рассматривалось в Петербурге в 1893 г. Выступив с речью на судебном процессе, С. А. Андреевский обратил внимание на следующие моменты, связанные с проведением почерковедческого исследования:

«В экспертизу сходства почерков я никогда не верил — ни в чисто-писательную, ни в фотографическую, потому что признание сходства почерков есть решительно дело вкуса. Мне кажется, что почерк похож, а другому, что — нет, и мы оба правы... Что же мы встречаем здесь? Нашли сходным наклон письма и несколько букв. А между тем, если взглянуть на записку, попросту, без затей, то выйдет, — почерк, решительно неизвестно кому принадлежащий...»².

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. 4-е изд. / Г. Гросс. — СПб, 1908. — С. 188.

² Выдря М. М. Судебные речи известных русских юристов / Отв. ред. М. М. Выдря. 2-е изд., испр. и доп. — М., 1957. — С. 171.

Критически оценивая результаты экспертизы, известный русский юрист в полном соответствии с представлениями своего времени о научности этого вида исследования был, очевидно, прав. Его оценка, хотя и не могла отличаться в то время научной обоснованностью, интуитивно была верна. И только сегодня с высот, достигнутых современным почерковедением, мы можем с уверенностью сказать, что для положительного решения вопроса о тождестве лица, написавшего текст записки, недостаточно было обнаружить совпадения только одного общего признака почерка — наклона, и констатировать сходство нескольких букв. Вывод проведённой в конце XIX в. судебно-почерковедческой экспертизы, в котором, судя по выступлению адвоката, утверждалось о написании текста записки конкретным лицом, по современным меркам нельзя признать научно обоснованным. Но не потому, что этот вывод оказался «решительно делом вкуса» (надо думать, эксперты и в XIX в. не были столь примитивны в своих суждениях), а потому, что положительный вывод о тождестве был сформулирован без анализа имеющихся различий в общих и частных признаках почерка, без оценки криминалистической значимости всего комплекса совпадающих и различающихся идентификационных его признаков с точки зрения их устойчивости и частоты встречаемости. Но такой анализ почерка в XIX в. был ещё невозможен, ибо участники уголовного процесса, состоявшегося более ста лет назад, знали много меньше о почерке, чем мы знаем сегодня, что вполне естественно.

Несовершенство специальных знаний, несомненно, оказывалось в прошлом препятствием на пути их активного использования в уголовном судопроизводстве. Исправить этот «недостаток» можно было лишь со временем, по мере совершенствования знания в тех областях, которые в уголовном процессе привлекались как специальные.

С законотворчеством дела обстояли совершенно иначе. Так, в ранних правовых источниках можно обнаружить немало интересных законодательных решений проблемы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве, о которых сегодня часто рассуждают как о новом и прогрессивном, обнаруживая их в современном законодательстве, и не подозревая, что эти решения либо напрямую заимствованы из источников дореволюционного уголовно-процессуального права, либо имели в них свои исторические корни. Вспомнить о законодательных актах прошлого нелишне, поскольку в них содержатся важные даже с точки зрения современного взгляда на сущность данного института положения, позволяющие при наличии к тому законодательной воли учесть и с пользой применить исторический опыт для совершенствования нормативно-правовой базы института специальных познаний в интересах правосудия. Возможно, излишне резко, но, по сути, верно, дали оценку нашей «забывчивости» и невниманию к прошлому В. Лившиц и Л. Прошкин: «Мы, лишённые правовой памяти, ведущие отсчёт существования уголовного процесса от первых декретов о суде и Инструкции об организации советской милиции с удивлением дикарей обнаруживаем, что

те проблемы, которые мы мучительно пытаемся решить сегодня, занимали незаурядные умы русских юристов сто лет назад».¹

Как выяснил известный исследователь истории отечественной криминалистики И. Ф. Крылов, использовать специальные знания в форме экспертизы в отечественном судопроизводстве начали с XVI в., однако общей законодательной регламентации экспертных исследований долгое время не существовало². Первым нормативным правилом частного характера, касающимся привлечения «сторонних людей» для выполнения функций экспертов, И. Ф. Крылов назвал содержание статей 272 и 274 Уложения 1649 г. Более конкретные правовые положения по общим вопросам появились лишь в указе от 9 декабря 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения»³ и относились к исследованию документов. Как видим, нормативно урегулированной, и то в самых общих чертах, оказалась довольно узкая область специальных познаний, применение которых к тому же не было ориентировано исключительно на решение задач уголовного судопроизводства, а касалось споров, которые позже выделились в отдельный вид судебной процедуры — разбирательство по гражданским делам⁴.

Лишь в начале XVIII в. были нормативно урегулированы случаи применения специальных познаний для целей выяснения обстоятельств преступления, правда, касались они только знаний в области судебной медицины. Тем не менее обращает на себя внимание то, что эти специальные познания были не просто упомянуты в нормах права как таковые, а предложены законодателем для обязательного применения. В Воинском уставе императора Петра I, принятом в начале XVIII в., впервые появляется норма (арт. 154), где сказано буквально следующее: «Того ради зело потребно есть, чтоб сколь кто умрёт, который в драке был избит, поколот или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мёртвое взрезали, и подлинно разыскали, что какая причина к смерти его была, и о том имеют свидетельство в суде на письме подать, и оное присягою своею подтвердить»⁵.

Оказывается, законодатель уже в те далёкие времена, сознавая важность установления причин смерти лица, потерпевшего от преступления, в то же время ясно понимал, что сделать это без специальных медицинских исследований невозможно, и потому придавал им характер обязательных, установив соответствующие нормативные правила. Обязанности «лекаря» выяснять

¹ Лившиц В. Процессуальный гуманизм и инквизиция / В. Лившиц, Л. Прошкин // Соц. законность. — 1990. — № 3.

² Крылов И. Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в её историческом развитии: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — Л., 1966. — С. 5.

³ Там же. — С. 6.

⁴ Панюшкин В. А. Уголовно-процессуальный кодекс России. Ч. 1: Официальные тексты / Под ред. В. А. Панюшкина. — Воронеж, 1998. — С. 67.

⁵ Карпович Г. Б. Возникновение и развитие института вещественных доказательств в дореволюционной России / Г. Б. Карпович // Советская криминалистика на службе следствия: Вып. 6. — М., 1955. — С. 73.

причины смерти, равно как и требование Устава «под присягою подтвердить» письменно свои выводы, можно обнаружить и в последующих законодательных актах, относящихся к уголовно-процессуальной сфере деятельности, в том числе и в современных формулировках соответствующих норм УПК РФ 2001 г.

Тем не менее, специальной правовой нормы, которая регулировала бы общие вопросы использования любых специальных познаний в уголовном судопроизводстве, российское законодательство того времени ещё не знало. И только реформы императора Александра II привели к принятию процессуальных законов — судебных уставов уголовного и гражданского судопроизводства 1864 г., в которых впервые появляется обобщённая процессуальная фигура «сведущих людей». Знакомясь с содержанием текста соответствующих статей первого Устава российского уголовного судопроизводства, нельзя не обратить внимание на то, что этот закон был вполне в духе проводимых Александром II прогрессивных реформ. Устав допускал привлечение «сведущих людей» для участия не только в делах, подведомственных «общим судебным установлениям», по которым проведение предварительного следствия было обязательным (ст.ст. 325, 690 Устава¹), но и в тех, которые относились к ведению мировых судей и велись в упрощённом порядке (ст. 112 Устава). Такие дела, как известно, касались деяний, не представляющих большой общественной опасности, и именовались проступками. За них предусматривались наказания от «выговора, замечания или внушения» до «заключения в тюрьме не свыше одного года» (ст. 33 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Для периода Российской истории, когда ещё не были забыты ужасы инквизиционного (розыскного) процесса, господствовавшего в уголовном судопроизводстве дореформенного периода, стало весьма показательным, что даже по таким малозначительным правонарушениям закон гарантировал получение при необходимости разъяснений по возникающим в судопроизводстве специальным вопросам независимо от степени общественной опасности исследуемого события. И хотя различия в подведомственности уголовных дел судам вели к некоторым ограничениям, тем не менее, сам институт специальных познаний распространялся на всё уголовное судопроизводство в разных его формах.

Интересно, что к лицам сведущим Устав относил достаточно большую группу представителей разных профессий: врачей, фармацевтов, профессоров, учителей, техников, художников, ремесленников, казначеев и лиц «продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретших особенную опытность» (ст. 326 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Л. Е. Владимиров, оценивая эту норму Устава, назвал данный перечень «общим постановлением», вполне сознавая, что он не может быть исчерпывающим. «В каких поимённо случаях, — писал Л. Е. Владимиров, — должны быть судом вызываемы сведущие лица, за-

¹ Цит. по: Уголовно-процессуальный кодекс России. Ч. 1: Официальные тексты / под ред. В. А. Панюшкина. — Воронеж, 1998. — С. 86.

кон определить не может: исчерпывающего вычисления таких случаев достичь едва ли можно a priori»¹.

Этот перечень источников специальных познаний, в отличие от всех последующих редакций соответствующих норм российского уголовно-процессуального закона, допускал возможность расширительного толкования, тогда как в уголовно-процессуальных кодексах РСФСР специальные сферы деятельности, знания из которых могли быть востребованы, оказались исчерпывающе представлены в перечнях, где, как известно, речь шла о специальных знаниях в «науке, искусстве или ремесле» (по УПК 1923 г.), или о «науке, технике и ремесле» (согласно УПК 1960 г.). Указания на «какие-либо иные занятия», о которых говорилось в Уставе 1864 г., в них не были включены, и поэтому такие знания, например, как знания в области любительского спорта, нумизматики, филателии и т. п., не являясь ни наукой, ни техникой, ни искусством и ни ремеслом, формально нельзя было признавать специальными, поскольку они, будучи «иными занятиями», не попадали под предусмотренный законом перечень, вынуждая выходить из положения вполне традиционным способом.

И сегодня законодатель в УПК РФ 2001 г. отказался от перечисления источников специальных знаний, сохранив его в прежнем виде только в законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»².

И все же вернёмся к Уставу 1864 г., одни из положений которого и сегодня, будучи воспринятыми современным уголовно-процессуальным законодательством, хорошо известны как правовая база использования специальных знаний в расследовании уголовных дел.

Уставом было определено, что обращаться к сведущим лицам для «точного уразумения» какого-либо обстоятельства преступления, когда это оказывалось невозможным или затруднительным без привлечения «специальных сведений» или «опытности», вправе были мировые судьи (ст. 112), судебные следователи (ст. 325) и окружной суд (ст. 692). Причём в разбирательстве дел окружными судами инициатива привлекать сведущее лицо могла исходить не только от самого суда, но и от присяжных заседателей, а также сторон, участвующих в деле (ст. 578, 692).

Подробно о привлечении сведущих лиц судебным следователем говорится в той главе Устава, которая посвящена осмотру и освидетельствованию как процессуальным способам исследования события преступления (Отделение первое главы 4). Однако, обращает на себя внимание то, что для обозначения процессуальных действий, проводимых следователем с участием сведущего лица, и тех, которые регламентировали экспертизу и самостоятельно производились сведущим лицом, Устав не делал терминологических различий, обозначая и те и другие как осмотр и освидетельствова-

¹ Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. — Тула, 2000. — С. 239.

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 08.03.2015 № 23-ФЗ) // СЗ РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.

ние. Эти проводимые как следователем, так и сведущим лицом одноименные процессуальные действия, тем не менее, выделялись в Уставе, образуя самостоятельные подотделы, имевшие соответственно названия: «Осмотр и освидетельствование через следователя» и «Осмотр и освидетельствование через сведущих людей вообще». И хотя в первом из них прямо не говорилось о праве судебного следователя приглашать для оказания содействия в решении специальных вопросов сведущих людей, такое право вытекало из общей нормы, предусматривающей правила составления протокола, в котором отражались действия следователя. Согласно ст. 468 от следователя требовалось указать в протоколе, «кто при том находился в качестве сторон, понятых и сведущих людей».

Уже из названия соответствующего его подотдела можно заключить, что под осмотром «через сведущих людей» подразумевалось следственное действие, проводимое самостоятельно экспертом по заданию следователя. Без него практически ни одно экспертное исследование не могло обойтись, предваряя экспертизу вещественных доказательств, документов, других предметов, живых лиц или трупа.

Тем не менее, начиная с введения в действие первого УПК РСФСР и до сих пор, об экспертном осмотре мы говорим только как об этапе подготовки к исследованию в рамках уже назначенной и принятой к производству экспертизы. Чтобы проводить экспертный осмотр, требовалось, таким образом, соблюсти процедуру его назначения. Между тем, идея проводить экспертный осмотр не в рамках уже назначенного экспертного исследования, а как самостоятельное процессуальное действие, имеющее цель решить ряд вопросов, в том числе и тот, который по Уставу 1864 г. обязан был решать эксперт посредством «осмотра через сведущих лиц», а именно, выявлять признаки предметов, на которые судебный следователь при предварительном осмотре внимания не обратил, могла бы стать весьма интересной и перспективной для реализации в современном уголовно-процессуальном законе. Посредством экспертного осмотра, избавленного от обязательной по нынешнему законодательству процедуры вынесения постановления о назначении экспертизы и выполнения следователем нормативной обязанности всякий раз знакомить с этим постановлением обвиняемого, что часто недвусмысленно раскрывает тактический замысел следователя, можно было бы решить целый комплекс вопросов, и, прежде всего вопрос о выявлении на базе использования специальных знаний новых фактических данных, новых доказательств. Обнаружение новых признаков осмотренных экспертом предметов, помогло бы следователю не только окончательно определиться с целесообразностью назначения экспертизы, но и с кругом подлежащих выяснению вопросов, с объемом необходимых для ответа на эти вопросы материалов и т. д. Можно предположить, и это предположение будет иметь основания, что осмотр и освидетельствование оттого и упоминались в Уставе отдельно, что каждое из этих процессуальных действий имело свои цели.

Осмотр — обнаружение признаков объектов, которые невозможно выявить визуально, без использования приборов либо без применения специ-

альных знаний и навыков, но «исследование коих может привести к открытию истины», а освидетельствование — основанное на опытных действиях (Устав употребляет термин «испытание» — ст. 578) исследование всех выявленных следователем или сведущим лицом при осмотре признаков предметов с целью «точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства».

Современное законодательство не делает таких различий, допуская экспертный осмотр либо в рамках назначенной экспертизы, либо в рамках следственных действий, проводимых следователем с участием специалиста. В качестве самостоятельного субъекта собирания доказательств ни эксперт, ни специалист, согласно УПК РФ, выступать не вправе. Необходимость решения этого вопроса отмечалась уже Р. С. Белкиным. Со ссылкой на освидетельствование лица другого пола как на предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством прецедент самостоятельного проведения процессуального действия сведущим лицом, Р. С. Белкин пришёл к выводу, что «законом эксперту должно предоставляться право собирать доказательства в некоторых, специально оговорённых случаях...»¹.

Но не только содержание Устава 1864 г. наводит на мысль о путях решения современных проблем уголовного судопроизводства, касающихся расширения прав эксперта, но и высказанные на этот счёт идеи учёных того времени.

О потребности в расширении инициативы эксперта и включении в неё права эксперта по заданию следователя проводить не только осмотры, но и другие процессуальные действия, юристы и учёные говорили ещё в конце XIX начале XX в.

Из анализа содержания соответствующих статей Устава 1864 г. можно сделать также вывод о том, что на этапе предварительного следствия функции «сведущих людей» отличались от их функций в разбирательстве у мировых судей большим разнообразием. Так, из смысла ст. 114 Устава, предусматривающей ответственность сведущего лица «за неявку к осмотру, освидетельствованию или обыску» следует, что только при производстве этих процессуальных действий сведущие лица могли быть приглашены мировым судьёй или по его поручению «чинами местной полиции» (ст. 105 Устава). Осмотров и освидетельствований «через сведущих людей» в производстве дел у мирового судьи в Уставе не предусматривалось. В функции привлечённого мировым судьёй сведущего лица входило лишь оказание помощи в «точном уразумении» встречающихся в ходе осмотра, освидетельствования или обыска обстоятельств, т. е. то, что как функция сведущих лиц более подходит современному специалисту. В этой же форме по делам, подведомственным мировым судьям, могла проводиться и экспертиза, но не как осмотр и освидетельствование «через сведущих людей», а исключительно в рамках проводимых самим мировым судьёй или по его поручению полицией процессуальных действий — осмотра, освидетельствования или обыска, что не исключало их участия в этих действиях в качестве консультантов

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т 3. / Р. С. Белкин. — М., 1997. — С. 116.

судьи по специальным вопросам. В этом состояла разница в процессуальных формах реализации специальных познаний сведущим лицом, привлекаемым мировым судьёй и судебным следователем.

Тем не менее как самостоятельная правовая форма участия сведущих лиц в расследовании преступлений она была возвращена в уголовное судопроизводство России на уровне отдельных нормативных правил только с принятием УПК РСФСР 1960 г. Причём мотивировалось введение в УПК института специалистов не как итог положительного заимствования идей Устава 1864 г., а лишь «благодаря положительной практике»¹.

Возможно, именно отмеченные различия форм участия сведущих лиц в российском дореволюционном судопроизводстве дали повод к тому, чтобы различать самих представителей специальных познаний, привлекаемых судебным следователем и судьёй, хотя прямо законом оно и не было предусмотрено. Тем не менее Р. С. Белкин, со ссылкой именно на Устав 1864 г., говорит о законодательном разделении сведущих лиц на экспертов и справочных свидетелей. Как нетрудно убедиться, Устав вообще не использовал терминов «эксперт» и «справочный свидетель», оперируя только обобщающим термином «сведущие люди».

Возвращаясь к регламентации института специальных познаний, заметим, что в дальнейшем своём развитии советское уголовно-процессуальное законодательство лишь отчасти использовало исторический опыт законодательства, предав забвению некоторые принципиальные решения данной проблемы, предложенные Уставом. Например, УПК РСФСР 1923 г., сохранив обязанность эксперта участвовать в осмотрах и освидетельствованиях, организуемых и проводимых следователем, исключил из закона право сведущего лица проводить их самостоятельно по поручению следователя. Не употребляя ещё термина «экспертиза», УПК 1923 г., так же, как и Устав 1864 г., предусмотрел обязанность эксперта, призванного участвовать в осмотрах и освидетельствованиях, давать своё заключение (ст. 64 УПК)².

В УПК РСФСР 1923 г. имелось принципиальное новшество, которое в последующем все поколения учёных оценивали исключительно как положительное нововведение уголовно-процессуального закона. Это новшество, связанное с нормативным признанием заключения эксперта в качестве самостоятельного источника доказательств (ст. 58), поставило точку в дискуссии о том, что с точки зрения доказательственного права представляет собой этот итоговый документ, в котором отражались ход и результаты экспертного исследования.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. никаких новых и оригинальных идей в решении проблемы правового регулирования института специальных познаний, принятый после Октябрьской революции, как видим, не принёс. Отчасти это было заимствование положений Устава 1864 г.

¹ Комаринец Б. М. Работа экспертов-криминалистов в качестве специалистов при проведении следственных действий // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. — Душанбе, 1962. — С. 28.

² Чельцов М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. — М., 1951. — С. 181.

с заменой «сведущего лица» на «эксперта» в названии обладателя специальных познаний, отчасти забвение уже достигнутого в уголовно-процессуальной науке и дореволюционной законодательной практике. Специальные знания закон ограничивал только познаниями в науке, искусстве или ремесле, исчерпывающе указывая на них в ст. 63 УПК РСФСР. Вслед за Судебным уставом УПК РСФСР повторил уже известное положение о том, что вызываемый эксперт обязан явиться и участвовать в осмотрах и освидетельствованиях, а также «давать заключения» (ст. 64 УПК РСФСР 1923 г.). Сама по себе экспертиза, итогом проведения которой должно было стать заключение эксперта, как таковая в УПК РСФСР не упоминалась, а регламентировалась как допрос экспертов, с предупреждением их об ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу заведомо ложного заключения, а также с изложением вопросов, по которым должно быть дано заключение (ст.ст. 170–171). Эти же правила, изложенные в главе «Допрос свидетелей и экспертов», надлежало соблюдать и в случае приглашения эксперта для участия в осмотрах и освидетельствованиях. В отличие от Устава уголовного судопроизводства никаких особых требований к качествам экспертов УПК 1923 г., не предъявляя, и следователь обязан был только удостовериться в «его самоличности»¹ и предупредить «о необходимости давать заключение, строго согласное с обстоятельствами дела и данными тех специальных знаний, для которых вызван эксперт» (ст. 170). Ни проверка компетентности, ни необходимость убедиться в незаинтересованности эксперта в деле в круг обязанностей следователя и суда не входили.

Приведённые выше примеры невнимательного, мягко говоря, отношения к истории становления института специальных познаний в уголовном судопроизводстве, к сожалению, оказались не единственными в отечественной законодательной практике.

Так, например, обладание «сведущими людьми» всеми качествами «достоверных свидетелей» (ст. 327 Устава 1864 г.) как правовое предписание процессуального закона сегодня незаслуженно забыто. А между тем, обязывая судебного следователя и судью оценивать качества эксперта в соответствии с критериями оценки достоверных свидетелей, Устав требовал от судебных экспертов большего, нежели незаинтересованность и компетентность, отсутствие которых, согласно всем последующим отечественным УПК, рассматривалось в качестве единственных и достаточных оснований для их отвода. Тем не менее эти положения советского (и нового российского) уголовно-процессуального закона воспринимались и вплоть до сегодняшнего дня воспринимаются отечественной наукой и практикой как достаточные для обеспечения достоверности и объективности выводов эксперта².

¹ Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. — М., 1999. — С. 5–6.

² Горский Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. — Воронеж, 1978. — С. 169; Россинская Е. Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / Е. Р. Россинская. — М., 2002. — С. 97; Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, А. Я. Дорохов и др.; Ред. кол.: Н. В. Жогин (отв. ред.) и др. 2 изд. — М., 1973. — С. 707–708; Филькова О. Н. Справочник эксперта-криминалиста. — М., 2001. — С. 18; и др.

Незаинтересованность и объективность — взаимосвязанные, но не тождественные категории. Та заинтересованность, которую имеет в виду УПК и обнаружение которой является основанием для отвода эксперта, может служить лишь поводом высказать сомнения в его объективности, но из этого отнюдь не следует, что всякий заинтересованный непременно окажется и не-объективным в своих суждениях. Нормы УПК в этой части являются скорее превентивной мерой против возможной, но совершенно не обязательной, не-объективности эксперта. То же самое можно сказать и о компетентности, взаимосвязанной, но не гарантирующей достоверность дачи заключения, сохранив его лишь при привлечении для производства экспертиз специалистов, не являющихся сотрудниками специализированных экспертных учреждений»¹. Сомнения в необходимости предупреждать экспертов об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за отказ от дачи заключения с обоснованием необходимости отказаться от этого института высказывались и ранее, более 40 лет назад, но, к сожалению, так и не были услышаны².

Доверие к сведущим лицам как к достоверным источникам специальной информации в общественном сознании формировалось по мере приобретения ими репутации людей, честно и профессионально исполняющих свой служебный долг. Незаинтересованность сведущего лица в деле и его компетентность становились, безусловно, важнейшими качествами, которыми должны были обладать сведущие лица, но они оказывались только внешними предпосылками для обладания качествами «достоверных свидетелей», причём далеко не исчерпывающими всех тех требований, которым должны были отвечать специалисты, привлекаемые в уголовное судопроизводство. Качеств «достоверных свидетелей» сведущие лица добивались в прошлом благодаря своей безукоризненной репутации высоких профессионалов, к которым судебные деятели могли относиться с полным доверием и убеждённой уверенностью в их объективности, беспристрастности, бескомпромиссности в решении принципиальных вопросов.

Интересны и некоторые другие положения Устава уголовного судопроизводства России 1864 г. В частности, в ст. 330 было сформулировано важное и вполне актуальное сегодня требование, чтобы предметы, подлежащие освидетельствованию и исследованию сведущими лицами (экспертизе), прежде осматривал сам судебный следователь, и по результатам внешнего осмотра им был составлен протокол о «видимых признаках преступления, если таковые окажутся, а равно обо всех переменах, происшедших в положении осматриваемых предметов». Если бы современные следователи всегда руководствовались этим правилом, то многих проблем, возникающих при оценке относимости собранных доказательств или в связи с принятием решения, подготовкой и проведением по уголовным делам той же ситуационной экспертизы, можно было бы сегодня избежать.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. С. 112.

² Цимакуридзе Г. Л. Предупреждение экспертов, работающих в научно-исследовательских криминалистических лабораториях, об ответственности за дачу заведомо ложного заключения // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. — Душанбе, 1962. — № 2. — С. 43.

Как выразители прогрессивных взглядов на институт специальных познаний более современными оказались создатели Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и в реализации принципа состязательности применительно к использованию специальных познаний сторонами в уголовном судопроизводстве, что нашло выражение в нормативном закреплении равных прав участников уголовного судопроизводства инициировать процедуру привлечения сведущих лиц. В отличие от УПК и 1923 г., и 1960 г. Уставом было предусмотрено право стороны, участвующей в производстве окружного суда, «просить о вызове в суд не только свидетелей, но и сведущих людей для объяснения какого-либо предмета или для проверки сделанного уже испытания...» (ст. 578 Устава). Нечто аналогичное появилось в УПК РФ только в 2001 г. с принятием кодекса (ст. 271 УПК РФ).

Как законодательный акт, более широко представленный нормами, устанавливающими правила привлечения сведущих лиц к участию в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, УПК РСФСР 1960 г. имел несомненные преимущества. Регламентируя участие сведущих лиц в следственных действиях отдельно от проведения ими экспертных исследований, уголовно-процессуальный закон соответственно разграничил их статус как самостоятельных участников процессуальной деятельности. Последующие дополнения и изменения уголовно-процессуального законодательства в этой части постоянно находились в поле зрения учёных, вызывая дискуссии, которыми сопровождалась эти нововведения вплоть до принятия нового УПК РФ в 2001 г.

Это был, пожалуй, самый насыщенный период истории развития уголовно-процессуального законодательства в части регламентации использования специальных знаний. И о нём следует сказать особо.

Принятие УПК РСФСР 1960 г. действительно явилось ответом на целый ряд вопросов, долгое время обсуждавшихся в литературе, и продемонстрировало новое видение законодателем функций сведущих лиц в уголовном судопроизводстве. То, о чём учёные вели дискуссии на протяжении длительного времени, получило в новом кодексе разрешение на уровне закона. В УПК РФ были однозначно решены вопросы о том, нужно ли отдельно регламентировать производство судебной экспертизы как проводимое сведущим лицом процессуальное действие, и следует ли разделять по процессуальному статусу, с одной стороны, сведущих лиц, участвующих в проводимых следственных действиях, и, с другой стороны, тех, кому поручается производство экспертизы. Вместе с тем законодательные новшества породили и новые вопросы: становится ли специалист заинтересованным лицом только потому, что уже привлекался для оказания помощи следователю по данному делу, во всех ли предусмотренных процессуальным законом следственных действиях сведущее лицо вправе принимать участие и др.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. осмотр и освидетельствование, к которым призывались сведущие лица для дачи заключения, и допрос эксперта, олицетворявшие собой, в том числе экспертное исследование, новый закон оставил только как действия следователя. Экспертиза же стала в полном смы-

сле слова самостоятельным процессуальным действием. В производстве назначенной экспертизы следователь по новому закону уже мог только присутствовать, но не руководить ею, как это фактически вытекало из норм УПК 1923 г. (ст. 190 УПК РСФСР). Сведущих же лиц в уголовном судопроизводстве стали различать, разделив по процессуальному статусу на специалистов и экспертов. Эксперт, которому поручалось проведение экспертизы, сохранил свой процессуальный статус, а сведущее лицо, привлекаемое следователем для оказания помощи при производстве проводимых им следственных действий, приобрело новый статус — статус специалиста. Как следствие, разделились и функции сведущих лиц. Участвующие в следственных действиях призваны были оказывать помощь следователю, а эксперты самостоятельно проводили по заданию следователя и суда исследования на основе специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Этому разделению форм использования специальных познаний предшествовало обсуждение вопроса о существовании такого рода различий и необходимости их процессуальной легализации. Мнение об обоснованности появления новой процессуальной фигуры — специалиста — стало практически общепризнанным, а правовое решение проблемы было воспринято учёными как прогрессивное новшество уголовно-процессуального закона¹.

Не секрет, что обе формы использования помощи сведущих лиц были известны российскому уголовному судопроизводству ещё до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Давно было известно, что сведущие лица привлекались как для производства экспертиз, так и для оказания содействия в проведении следственных действий. На эту последнюю функцию сведущих лиц редко обращалось внимание, в то время как она была преобладающей в дореформенный период российской истории развития института специальных познаний. Как заметил И. Ф. Крылов, в дореформенном русском процессе сведущие люди чаще всего привлекались именно к осмотрам или личным осмотрам, нежели к производству экспертиз². Однако и после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в котором экспертиза именовалась «осмотром и освидетельствованием через сведущих лиц», и поэтому давала больше оснований говорить о сведущих лицах как о помощниках судебного следователя и судьи, тема двуединства форм использования знаний сведущих лиц, так или иначе, обсуждалась учёными. К этой теме было обращено внимание выдающихся юристов, посвятивших свои труды анализу положений нового для России уголовно-процессуального закона. Взгляды Л. Е. Владимирова на эту проблему, высказанные им в самом начале XX в., и сегодня представляют интерес.

В обосновании самостоятельности экспертизы как процессуального действия, проводимого сведущим лицом, Л. Е. Владимиров сравнивает этот

¹ Комаринец Б. М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Проблемы судебной экспертизы: Судебные трасологическая и баллистическая экспертизы: Сб. 3. — М., 1961. — С. 12; И. Ф. Крылов. Указ. соч. С. 26–27; и др.

² Крылов И. Ф. Указ. соч. С. 7.

институт с участием сведущего лица в следственных действиях в качестве помощника судебного следователя или судьи, убеждая в ошибочности отождествления экспертизы с личным осмотром, проводимым судьёй либо судебным следователем. При этом он приводит вполне убедительные аргументы, дающие основания различать сведущих лиц, оказывающих им техническую помощь, и сведущих лиц, проводящих экспертные исследования. В отношении эксперта как процессуально самостоятельной фигуры Л. Е. Владимиров считал недопустимым пользоваться термином «помощник». По этому поводу он так писал в своей работе, посвящённой уголовным доказательствам: «Вообще же название «помощник судьи», не давая ничего для разъяснения дела, может ... повести к неверным выводам. Вот почему следовало бы вообще выбросить это название из литературы вопроса, в котором можно найти много лишнего и ничего не объясняющего»¹. Категорически возражая против оценки положения эксперта как помощника судебного следователя или судьи, известный учёный, тем не менее, функцию сведущих лиц, оказывающих им консультативную помощь по специальным вопросам, считал важной и самостоятельной формой использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Таких сведущих лиц Л. Е. Владимиров называл в отличие от экспертов «справочными свидетелями». На них, по мнению автора, не должны были распространяться правила ознакомления с материалами и обстоятельствами дела, поскольку справочные свидетели «призываются в суд только для того, чтобы сообщить ему некоторые сведения, необходимые для понимания той или другой стороны дела. Справочный свидетель, вызванный, например, для того, чтобы дать сведения о существовании в банке или таможене порядках, вовсе не нуждаются в знании обстоятельств всего дела, чтобы представить необходимые объяснения. Совсем другое дело — научный эксперт: ему нужно знать все обстоятельства дела, чтобы постановить своё решение»². Справочные свидетели, как можно заметить, и стали прообразом современных специалистов, выполняющих функцию консультантов следователя и суда.

Надо сказать, что, уже начиная с первых после вступления в силу нового УПК 1960 г. публикаций, вопросы, связанные с разделением функций специалиста и эксперта, привлекли к себе пристальное внимание. В чём-то эти споры оказались созвучны имевшим место в XIX в., что-то стало новым словом в науке.

Интересные дискуссии развернулись, в частности, по вопросу о праве следователя привлекать специалистов к производству любых следственных действий, а не только тех, для которых такая возможность допускалась законом: следственного осмотра, следственного эксперимента и изъятия сравнительных образцов. Большинство учёных расширительно толковали право следователя обращаться к помощи специалистов³. Тем не менее изменения

¹ Владимиров Л. Е. Указ. соч. С. 254.

² Там же. С. 241–242.

³ Випберг А. И. Специалист в процессе предварительного расследования // Соц. законность. — 1961. — № 3. — С. 31; Комаринец Б. М. Работа экспертов-криминалистов в качестве специалистов при проведении следственных действий. С. 32.

к УПК РСФСР в 1966 г. установили правило, которым расширительное толкование круга этих действий теперь уже исключалось. Специалист мог привлекаться для участия в следственных действиях только в случаях, предусмотренных УПК. Таким образом, новшество уголовно-процессуального законодательства, введённое без видимых к тому оснований, на десятилетия стало одним из наиболее часто критикуемых положений уголовно-процессуального закона, касающихся института специалистов, поскольку реально препятствовало широкому их привлечению в уголовное судопроизводство. На практике же зачастую приходилось закрывать глаза на явные его нарушения, приглашая, например, операторов звуко- и видеозаписи для фиксации допроса, или специалистов-криминалистов для подготовки и проведения опознания.

Как уже было отмечено, начиная с УПК РСФСР 1960 г. «осмотр и освидетельствование через сведущих лиц», превратившись в современную судебную экспертизу, утратили дополнительный смысл, который помимо всего прочего можно было вкладывать в эти одноимённые со следственными действия сведущего лица. Напомним, что соответствующие положения Устава 1864 г. давали основание говорить о них не только как о процессуальной форме экспертного исследования, но и как о процессуальных действиях, самостоятельно производимых сведущими лицами, которые именно благодаря своим специальным знаниям оказывались способными обнаружить важные для «открытия истины» признаки осматриваемых предметов. Иначе говоря, те признаки, которые не обладающий таковыми знаниями следователь не смог обнаружить при предварительном осмотре этих предметов или не обратил на них внимания из-за недостаточности собственных специальных знаний. Это положение ст. 333 Устава, впоследствии получившее развитие в рамках дискуссии об инициативе эксперта, следовало понимать не только как право выходить за рамки сформулированных судебным следователем вопросов (кстати, о таком праве Устав прямо не говорил), но и как обязанность выявлять признаки осматриваемых сведущим лицом предметов, на которые следователь, очевидно, мог, но, как сказано в этой статье, не обратил внимания. Иными словами, инициативу сведущего лица Устав рассматривал более широко по сравнению с современным представлением об этом институте судебной экспертизы, предоставляя сведущему лицу право по поручению следователя самостоятельно проводить осмотр предметов.

Став в 1960 г. самостоятельной процессуальной фигурой — специалистом, сведущее лицо уже через шесть лет лишилось, благодаря нововведениям, возможности продолжить свою работу по тому же уголовному делу в качестве эксперта. Согласно предписаниям УПК эксперт не только не имел, подобно «сведущим людям», о которых говорил Устав 1864 г., права самостоятельно проводить осмотр предметов и следов, которые ему ещё предстояло исследовать, но даже не мог участвовать в предварительном осмотре этих предметов, организуемом и проводимом следователем, поскольку по новому закону такой эксперт подлежал отводу. Опасаясь спровоцировать ходатайство об отводе сведущего лица на основании существовавшего в законе запрета, следователь вынужден был альтернативно решать во-

прос, приглашать ли специалиста для участия в осмотре или ином следственном действии или сохранить за собой право привлечь его в качестве эксперта.

Разработчики дополнений и изменений в УПК, принятых и введённых в действие в 1966 г., проигнорировали компетентное мнение авторитетных учёных, считавших совмещение функций специалиста и эксперта в одном лице не только допустимым, но и весьма важным условием эффективности последующего экспертного исследования¹. Этот разрушительный для эффективного использования специальных познаний в уголовном процессе нормативный запрет, в соответствии с которым одному из них (специалисту) позволялось участвовать только в следственном действии, а другому (эксперту) только в экспертизе, просуществовал более 40 лет, несмотря на практически единодушное его осуждение². Законодательно разделив под угрозой отвода неразрывно связанные между собой функции специалиста и эксперта, отечественное судопроизводство на долгие годы оказалось лишённым возможности привлекать одно и то же сведущее лицо для решения в единой цепи всего комплекса вопросов, требующих специальных познаний — от обнаружения до исследования доказательств. Насколько это «усовершенствование» оказалось плодотворным говорит тот факт, что на протяжении последующих почти сорока лет не было ни одной сколько-нибудь заметной публикации на заданную тему, в которой запрет на совмещение функций эксперта и специалиста не подвергался бы резкой критике. И лишь к началу XXI в., законодатель признал его несостоятельность, отказавшись в УПК РФ от формулировки оснований отвода эксперта и специалиста, запрещавшей их совмещение.

Однако УПК 2001 г., отменив упомянутый запрет, не решил в принципиальном плане вопроса о возможности проведения сведущим лицом процессуальных действий самостоятельно.

Возможность при определённых условиях проводить отдельные процессуальные действия сведущим лицом — это, надо думать, то важное положение из числа многих интересных правовых решений Устава 1864 г., которое в разные периоды советской истории воспринималось как исключение из общего правила. Долгое время единственным таким исключением, введённым из этических соображений, оставалось освидетельствование лица другого, нежели следователь, пола, сопровождаемое обнажением (ст. 191 УПК РСФСР 1923 г.; ст. 191 УПК РСФСР 1960 г.). Все остальные процессуальные действия по действовавшему в России процессуальному закону, начиная с 1923 г. и до конца XX в., вправе был проводить только следователь, дознаватель, суд и прокурор.

¹ Ароцкер Л. Е. Права, обязанности и роль специалистов при производстве следственных и судебных действий // Вопросы криминалистики. Вып. 6–7. — М., 1962. — С. 53; Комаринец Б. М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности. С. 9; и др.

² Леей А. Вопросы, требующие решения // Соц. законность. — 1982. — № 3. — С. 53–54; Практика и проблемы судебных экспертиз // Там же. № 1. С. 59–60; № 8 (Обзор практики); и др.

Круг процессуальных действий, которые могли быть поручены сведущим лицам для самостоятельного проведения, т. е. без участия следователя, был пополнен только в 90-е годы XX столетия. Ими стали ревизии и документальные проверки. Как о самостоятельных следственных действиях, о них можно было говорить весьма условно, имея в виду расширенный перечень источников доказательств, в который законодатель включил акты, составляемые по результатам ревизий и соответствующих документальных проверок. Так и не дождавшись чёткой правовой регламентации, о них благополучно забыли при принятии нового УПК РФ. Контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ) дополнили перечень самостоятельно проводимых сведущими лицами процессуальных действий в 2001 г.

О необходимости предоставить специалисту право собирать доказательства, причём не только материалов, которые могут потребоваться для проведения экспертизы, но и в иных случаях, учёные говорили и продолжают говорить, ссылаясь на ситуации, когда обеспечить участие в осмотрах не только понятых, но и самого следователя не просто затруднительно, но иногда и небезопасно¹. Например, при осмотре мест, доступ к которым требует специальных навыков. Если современный следователь, сознавая недопустимость перекладывания своих обязанностей по проведению следственного действия на специалиста и не имея при этом необходимого навыка, облачится в снаряжение альпиниста, чтобы подняться по крутому склону горы для обследования места убийства, или в костюм водолаза, чтобы опуститься под воду для проведения осмотра затонувшей подводной лодки, да ещё потащит с собой понятых, к чему обязывал следователя УПК РСФСР, то ещё неизвестно, чего в поведении законопослушного следователя окажется больше — героизма, опасного безрассудства или заурядной глупости, к которой его подталкивал закон. И если вопрос с участием в подобных ситуациях понятых новый УПК РФ решил, предоставив право проводить следственные действия без них (ч. 3 ст. 170 УПК РФ), то ничего нового в расширении права поручать производство процессуальных действий, требующих профессиональных знаний и навыков, специалистам, процессуальный закон России не предусмотрел, если не считать «контроля и записи переговоров» (ст. 186 УПК РФ) который следователь технически и организационно самостоятельно осуществлять не мог. В известной мере рациональным использованием законотворческого опыта прошлого в части передоверия сведущему лицу права проводить процессуальные действия можно назвать и новшество УПК, предусмотревшего право эксперта получать сравнительные образцы (п. 4 ст. 202 УПК РФ). Такие предложения, как известно, высказывались ещё за 40 лет до его принятия². Но и это запоздавшее нововведение не стало правом эксперта проводить самостоятельно процессуальное действие со всеми вытекающими отсюда последствиями — возможностью убедить следователя, основываясь на его результатах, в нецеле-

¹ Гончаренко В. И. Научно-технические средства в следственной практике. — Киев, 1984. — С. 35; Ищенко П. П. Указ. соч. С. 17–18, и др.

² Эртециан А. И. Основные вопросы теории и практики криминалистической экспертизы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Л., 1961. — С. 12.

сообразности назначения экспертизы, поскольку допускалось по закону только для случаев, когда получение образцов становилось частью судебной экспертизы. Даже ставшая очевидной по результатам получения сравнительных образцов нецелесообразность дальнейшего исследования не освобождала эксперта от обязанности дать своё заключение.

Принятый в декабре 2001 г. Государственной Думой в окончательной редакции и одобренный Советом Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс, очевидно, войдёт в историю законодательства России как один из наиболее противоречивых законодательных актов периода реформ, как итог не вполне удачного компромисса. Более 60 поправок к ещё не вступившему в силу Закону — наглядное тому свидетельство. Между тем, справедливости ради надо отметить, что при обилии противоречий и просто нереализуемых в современных условиях положений, процессуальный закон внёс и много нового, решив, таким образом, ряд серьёзных уголовно-процессуальных и криминалистических проблем, долгое время обсуждавшихся на уровне дискуссий. Среди положительно воспринимаемых законодательных решений, бесспорно, и некоторые урегулированные новым законом вопросы использования специальных знаний и технических средств в уголовном процессе.

Выше уже было сказано о ликвидации запрета на совмещение в одном лице специалиста и эксперта (п. 1 ч. 2 ст. 70 и ч. 2 ст. 71 УПК РФ) как о прогрессивном и давно ожидаемом законодательном нововведении. Сожалеть здесь стоит лишь о том, что решение проблемы запоздало на несколько десятков лет, вынуждая правоохранительные органы все эти годы либо нарушать существовавший запрет, либо отказываться от реализации дополнительных возможностей более эффективного привлечения в уголовное судопроизводство специальных знаний для решения задач правосудия. И тем не менее проблема совмещения из проблемы законодательного регулирования перешла в разряд обсуждаемых на уровне научных дискуссий. Несмотря на то, что новый УПК уже не ставит в этом вопросе никаких препятствий для выполнения одним и тем же лицом функций и специалиста, и эксперта по одному и тому же уголовному делу, в литературе делаются попытки установить определённые ограничения. Так, например, К. А. Корсаков по этому поводу рассуждает так: «Главным критерием допустимости участия одного и того же лица в качестве эксперта, а затем специалиста, является предмет, в отношении которого используются специальные знания — он может быть одним и тем же. Порядок участия может быть только один: специалист-эксперт... Например, нельзя использовать знания лица, занимающего процессуальное положение эксперта, проводившего конкретное исследование, для оказания помощи в постановке вопросов для повторной экспертизы, поскольку он будет выполнять процессуальные функции специалиста (ст. 70–71 УПК РФ). В противном случае результаты повторной экспертизы могут быть признаны недопустимыми»¹. Прежде всего, обращает на себя внимание не-

¹ Корсаков К. А. Проблемы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве / К. А. Корсаков // Криминалистич. вестник. — СПб, 2003. — Вып. 2. — С. 43.

удачный пример. Повторная экспертиза, как известно, проводится для решения тех же самых вопросов, которые были предметом разрешения первичной. И уже только по этой причине нет необходимости обращаться к специалисту за помощью в постановке уже известных вопросов, ни к тому, который проводил исследование, ни к любому другому. В самой же повторной экспертизе «бывший» эксперт не вправе участвовать ни в каком качестве, ни в качестве специалиста, ни тем более в качестве эксперта (прежний УПК на этот счёт содержал отдельный запрет — ст. 81 УПК РСФСР). Но «не вправе» уже не в связи с «совмещением», как утверждает К. А. Корсаков, а по иным основаниям. Поскольку повторная экспертиза проводится в случаях, когда выводы первичной сомнительны, недостоверны либо противоречат собранным доказательствам, постольку проводивший её эксперт не может в ней участвовать в прежнем качестве и подлежит отводу, но не потому, что совмещает функции специалиста и эксперта, или дважды эксперта, а потому, что становится лицом, заинтересованным в деле. Ведь повторная экспертиза призвана в конечном счёте дать оценку обоснованности заключения первичной, а в такой оценке, эксперт, её проводивший, не может не быть заинтересован.

Назначение же дополнительной экспертизы, когда требуется постановка новых вопросов, никак не способно препятствовать участию эксперта, который проводил основную экспертизу, ни в качестве специалиста, оказывающего помощь в формулировке этих новых вопросов, ни в качестве эксперта, их решающего посредством дополнительного исследования. Более того, такое участие сведущего лица всегда окажется более предпочтительным по сравнению с привлечением нового, ещё не посвящённого в суть выясняемых обстоятельств.

Не менее значимым стало с принятием нового УПК и признание за консультативной деятельностью в уголовном судопроизводстве. В ч. 1 ст. 58 УПК РФ на законодательном уровне оказалась решена проблема получения сторонами и судом от сведущих лиц разъяснений вопросов специального характера, входящих в профессиональную компетенцию специалиста, а также оказания помощи в постановке вопросов эксперту. До принятия УПК 2001 г. приходилось искать решение этой проблемы в нормах действующего УПК РСФСР, вынуждая следователей самим восполнять пробелы уголовно-процессуального законодательства, причём далеко не всегда оправданными способами. Например, путём вызова сведущих лиц на допрос в качестве свидетелей для дачи показаний, содержание которых составляли бы исключительно сведения консультационного характера, необходимые следователю для уяснения специальных вопросов, возникающих в ходе расследования уголовного дела.

Принципиально новым в вопросе об использовании специальных познаний в уголовном процессе явилось расширение круга субъектов, которым уголовно-процессуальный закон предоставил право обращаться за помощью к специалисту. Так, правом привлекать специалистов новый УПК РФ наделил помимо следователя (дознавателя) и суда ещё и защитника (п. 3 ч. 2 ст. 53), который, став полноправным субъектом собирания доку-

зательств (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), получил дополнительные возможности для более эффективного осуществления своих профессиональных функций. Отныне ничто не ограничивает защитника вправе обращаться за разъяснениями по возникающим вопросам к любым специалистам, в том числе, надо полагать, и к специалистам в области юридических наук. Звучавшие ранее порой категорические возражения против представления защитником различного рода справок, новый закон оценил как безосновательные, признав представление таких документов одной из форм реализации им права собирать доказательства (п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

В развитие этих нововведений Государственная Дума летом 2003 г. принимает ещё одно принципиальное решение, дополнив ст. 74 УПК РФ новыми источниками доказательств — заключением и показаниями специалиста (п. 3.1 ч. 2). Заключением закон называет «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами», а показаниями специалиста — «сведения, сообщённые им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснение своего мнения в соответствии с требованиями ст.ст. 53, 168, 271 настоящего Кодекса» (п. 3.4 ст. 80 УПК РФ). Таким образом, после долгих обсуждений проблемы привлечения в судопроизводство «сведущих свидетелей» и признания доказательственного значения «заключений специалиста», законодатель однозначно включил их в число самостоятельных процессуальных форм использования специальных познаний.

Вопросов, однако, меньше не стало. Надо полагать своими уже внесёнными дополнениями в УПК законодатель не ограничится и в перспективе следует ожидать разъяснения многих вопросов, возникающих в связи с расширением функций сведущих лиц. Это и вопрос о том, чем специалист, дающий заключение, отличается от эксперта, что должно представлять собой заключение специалиста, чтобы стать полноправным источником доказательств, как должен поступать следователь, если специалист для дачи заключения будет привлечён адвокатом, который поставит перед ним задачу провести исследование тех объектов, которые находятся в деле, и доступ к которым без согласования со следователем невозможен? Ждут также своего разрешения на законодательном уровне вопросы о том, как процессуально оформлять привлечение защитником специалиста для дачи таких разъяснений, нужно ли и если нужно, то кто должен будет предупреждать его об ответственности по ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного следствия? УПК не даёт ответа на эти вопросы, предоставляя, очевидно, возможность выбора самому защитнику, который, несомненно, воспользуется своим правом «использовать иные, не запрещённые настоящим Кодексом средства и способы защиты» (п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Более разнообразными с принятием УПК РФ стали не только формы использования специальных познаний, но и круг процессуальных действий, в производстве которых специалист может принимать участие. К несомненным достоинствам процессуального закона следует отнести отказ законодателя от формулировки ст. 133.1 УПК РСФСР, из которой следовало, что спе-

циалист может привлекаться для участия в производстве следственных действий, и только в случаях, предусмотренных Кодексом. Этой нормой старого УПК перечень таких следственных действий ограничивался. В их число по этим формально-юридическим признакам не вошли, например, допрос (не считая педагога, привлекаемого к участию в допросе несовершеннолетнего) и предъявление для опознания. В соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ с 1 июля 2002 г. специалистов можно привлекать для участия не только в следственных, но и в иных процессуальных действиях, круг которых закон теперь не ограничивает, и не «в случаях», а «в порядке, установленном настоящим Кодексом». Это процессуальное нововведение, безусловно, создаёт новые возможности для использования участниками судопроизводства современных научно-технических достижений в расследовании и разрешении уголовных дел.

Пожалуй, одним из малозаметных, но на самом деле весьма существенных и принципиальных вопросов, решённых в действующем УПК РФ, стал вопрос о сферах деятельности, относимых прежним уголовно-процессуальным законом к тем, знания из которых могут быть востребованы в судопроизводстве как специальные — наука, техника, искусство или ремесло, и о самом понятии «специальных знаний». Законодатель, принимая отдельной статьёй «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» (ст. 5 УПК РФ), надо полагать, вполне осознанно отказался от каких бы то ни было терминологических разъяснений на этот счёт, унифицировав и сам термин, употребляемый в тексте соответствующих статей. Таким образом, завершился некогда беспредметный спор о разграничении специалиста и эксперта по филологическому признаку, а именно: кто из этих сведущих лиц и чем должен обладать, чтобы относиться к соответствующей процессуальной категории участников судопроизводства — знаниями, навыками или познаниями. Компетентность специалиста, как известно, в УПК РСФСР определялась его «знаниями и навыками»; эксперта — специальными «познаниями». Отныне и специалист, и эксперт — лица, в равной мере «обладающие специальными знаниями» (ст. 57–58 УПК РФ). Причём не только в области «науки, техники, искусства или ремесла», но и в любой иной сфере, требующей профессионализма, поскольку данный перечень в УПК уже не приводится. Это, отчасти, и ответ на вопрос о том, что считать знаниями «специальными» по сравнению с «неспециальными». Привычное обращение в поисках основания их разграничения к «необходимости профессионального образования», «доступности» или «общеизвестности» тех или иных сведений — занятие, надо думать, неблагоприятное, ибо найти критерии, которые объективно отграничивали бы специальное от неспециального — невозможно. А невозможно уже потому, что то, что вчера было специальным, сегодня становится общедоступным; то, что вчера было специальным для определённого круга лиц, сегодня успешно осваивается другими; то, чем сегодня профессионально не владеет в силу новизны один следователь, другой уже использует вполне квалифицированно, личным примером «преобразуя» знания специальные в общедоступные. Попытки объективно отделить специальные

знания от неспециальных, предложив некие критерии, и в соответствии с ними оценивать правомерность обращения конкретных участников уголовного процесса к сведущим лицам за разъяснением «специальных» вопросов либо дачей экспертного заключения, ни к чему определённого до сих пор не привели и, надо думать, не приведут. Для оценки потребности в знаниях, носящих специальный характер, мне представляется более правильным исходить не из каких бы то ни было общих для всех «потребителей» критериев, а из субъективного отношения участника уголовного процесса к определённой области знаний как к таковой. Руководствуясь при принятии решения только тем, что он сам таковыми знаниями не обладает, но имеет на это право и намерен обратиться за помощью к сведущему лицу в соответствии с УПК. Именно так следует оценивать позицию законодателя в данном вопросе, отказавшегося от комментариев по поводу понятия «специальных знаний» и исключившего из текста УПК перечень сфер деятельности, с которыми ассоциировалось это понятие.

Глава 2. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Есть в нашем законодательстве о производстве по гражданским и уголовным делам такое понятие, как «специальные познания», которые должны использоваться, если в ходе расследования или судебного разбирательства возникают у следователя или судьи специфические вопросы из области науки, техники, искусства или ремесла. Специальными именуют познания, не общераспространённые, не общеизвестные, которыми обладают лишь специалисты-профессионалы в той или иной области человеческих знаний. Познания эти приобретаются в процессе обучения и практической деятельности по той или иной специальности, причём они включают в себя не только соответствующие знания, но и определённые навыки и умения по применению этих знаний. Люди, которые обладают такими знаниями и опытом, именуются в судопроизводстве сведущими лицами. К их помощи и прибегают следователи и судьи, когда надо решить какой-либо специфический вопрос, причём, конечно, не из области права: здесь специальными знаниями должны обладать сами следователи и судьи, и никто, кроме них, не вправе решать за них такие вопросы¹.

Использовать специальные знания сведущих лиц по закону можно в двух формах: путём участия их в производстве следственных и судебных действий, консультирования следователей и судей, дачи им различных справок. В этом случае сведущие лица именуются специалистами. И путём

¹ Ищенко Е. П. Криминалистика. 2-е изд., испр. и доп. / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. — М.: Контракт, ИНФРА-М, 2009. — С. 482.

назначения и проведения судебных экспертиз, производства сведущими лицами — теперь они именуется экспертами — различных исследований. От процессуального положения сведущего лица зависит и порядок его участия в судопроизводстве, его права и обязанности, характер получаемых им результатов в процессе деятельности.

Консультативно-справочная деятельность специалиста законом специально не регламентируется. А вот участие его в следственных действиях по приглашению следователя в законе обычно предусматривается.

Представьте себе такую ситуацию: из квартиры совершена кража. На место происшествия выезжает оперативная группа, руководимая следователем. Ей предстоит осмотреть место кражи, выявить следы преступника, установить, как он проник в квартиру. И вот здесь следователю не обойтись без помощи специалиста-криминалиста, который выявит, зафиксирует и изымет невидимые следы пальцев рук, снимет слепки со следов взлома на двери, сфотографирует обстановку на месте происшествия. Специалист — активный участник осмотра, он — помощник следователя, выполняющий работу, требующую применения специальных познаний, специальных умений и навыков.

Но не всегда приглашение специалиста зависит от усмотрения следователя. Если на месте происшествия обнаружен труп человека, закон категоричен: осмотр трупа должен производиться обязательно с участием специалиста — судебного медика. И это вполне логично, поскольку следователь хотя и должен быть знаком с основами судебной медицины, но не настолько, чтобы хотя бы ориентировочно определить причину смерти, время её наступления, способ и орудия, которыми причинена смерть, что под силу только судебному медику¹.

При обыске специалист с помощью технических средств поможет следователю обнаружить замурованные в стене краденые ценности, открыть хитроумный замок, правильно описать найденное оружие, определить природу подозрительного порошка. При производстве следственного эксперимента с его помощью устанавливают положение стрелявшего и потерпевшего в момент выстрела, восстанавливают картину столкновения транспортных средств в момент совершения автодорожного происшествия. Всего, в чём может потребоваться помощь специалиста, и не перечислишь.

Но не всякий возникший в ходе расследования вопрос может быть решён с помощью приглашённого специалиста путём осмотра какого-либо объекта или совершения тех или иных опытных действий. Иногда для решения вопроса требуется проведение специального исследования, применения сложных лабораторных методов, выполнения кропотливой работы. И тогда используется вторая форма применения специальных познаний — производство судебной экспертизы.

Судебная экспертиза — это всегда производство специального исследования, требующего глубоких знаний в той или иной области науки, техни-

¹ Сорокотягин И. Н. Специальные познания в расследовании преступлений. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 12.

ки, искусства или ремесла. Объектом такого исследования может быть человек и оставленные им следы, труп, следы животных и сами животные, предметы, документы, транспортные средства, реальные жизненные ситуации и т. п. Да и вопросы, которые могут быть поставлены на разрешение эксперта, бывают самыми различными. Есть только одно исключение: эксперт не может решать правовые вопросы, даже если он и сведущ в них — это компетенция исключительно следователя или суда.

Для назначения и проведения экспертизы закон устанавливает специальную процессуальную процедуру¹.

Приняв решение о назначении экспертизы, следователь, дознаватель, суд (судья) должен, прежде всего, подготовить, подобрать необходимые для производства исследования материалы. Это — вещественные доказательства: пистолет, нож, стреляные гильзы, поддельные документы и т. п. Это также специальные объекты для сравнительного исследования — образцы: образцы почерка лица, подозреваемого в подделке документа, гильзы и пули, выстрелянные из проверяемого пистолета, образцы крови подозреваемого, подлинные оттиски печатей и штампов и др. Кроме того, эксперту могут понадобиться протоколы следственных действий, в которых указывается, где были обнаружены следы пальцев рук, откуда извлечена стреляная пуля, что из себя представляет подозрительный документ, при каких обстоятельствах был задержан сбытчик фальшивых денег и какие инструменты и материалы были найдены у него или его соучастников при обыске и т. д.

Круг объектов, направляемых на экспертное исследование, зависит от характера вопросов, которые должен разрешить эксперт. Обдумав эти вопросы, следователь (суд) выносит специальное постановление о производстве экспертизы. В этом постановлении указывается, в связи с чем назначается экспертиза, кому поручается её производство, какие вопросы предлагается разрешить эксперту и какие материалы для этого ему представляются².

Закон предусматривает два порядка производства экспертизы: в специальном экспертном учреждении и вне экспертного учреждения, когда производство экспертизы поручается специалисту, не являющемуся сотрудником такого учреждения.

Какие же государственные экспертные учреждения существуют в нашей стране?

В наши дни в России проведением судебных экспертиз занимаются главным образом экспертные учреждения четырёх ведомств.

Самая большая, разветвлённая сеть экспертных учреждений (подразделений) находится в системе Министерства внутренних дел РФ. Возглавляет её Экспертно-криминалистический центр МВД РФ, а на местах действуют

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. — М., 2006. — С. 68.

² Мохов А. А. Специфика экспертного заключения как судебного доказательства / Арбитражный и гражданский процесс. — 2003. — № 9. — С. 45–47.

экспертно-криминалистические управления, отделы, отделения и лаборатории органов внутренних дел. Они выполняют экспертизы преимущественно для органов следствия и полиции, а также для других служб органов внутренних дел, но могут производить экспертные исследования и для органов других ведомств, например, таможенной службы. В экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел проводятся: автороведческая, автотехническая, баллистическая, видеотехническая, дактилоскопическая, пожарно-техническая, портретная и многие другие виды экспертиз.

Обширная система экспертных учреждений имеется в Министерстве юстиции РФ. Во главе её стоит Федеральный центр судебных экспертиз Министерства юстиции, а на местах выполняют экспертизы специализированные научно-исследовательские лаборатории судебных экспертиз в краях, областях, республиках. Обслуживают эти учреждения главным образом следователей Следственного комитета РФ и суды.

Министерством юстиции выполняются следующие экспертизы: взрыво-технологическая, инженерно-экономическая, искусствоведческая, исследование бытовых электроприборов, технических устройств и систем, психологическая, товароведческая, строительно-техническая, финансово-кредитная, финансово-экономическая, экспертиза по технике безопасности труда, экспертиза информационных технологий, экспертиза по ценам и ценообразованию.

Судебно-медицинские и судебно-психиатрические экспертизы проводятся экспертными учреждениями Министерства здравоохранения. Возглавляются эти учреждения — бюро судебно-медицинской экспертизы и судебно-психиатрические экспертные комиссии — соответственно, научно-исследовательскими институтами судебной медицины и общей и судебной психиатрии. Эти институты играют роль научных и методических центров для всей системы таких экспертных учреждений. Они производят экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц, трупов, судебно-психиатрическую и судебно-психологическую и др.

Есть своя сеть экспертных учреждений и в системе Следственного комитета Российской Федерации, которая выполняет преимущественно экспертизы по уголовным делам, находящимся в производстве следователей комитета.

Кроме того, есть экспертные учреждения и в Вооружённых Силах России. Ими являются судебно-медицинские лаборатории в округах, на флотах, в некоторых войсковых соединениях. Выполняют они в основном судебно-медицинские и некоторые другие экспертизы. Например, экспертизу трупов, судебно-химическую экспертизу, судебно-биологическую, медико-криминалистическую экспертизу отождествления личности, молекулярно-генетическую экспертизу и др.

Если следователь (суд) решил поручить производство экспертизы тому или иному экспертному учреждению, он указывает его наименование в своём постановлении. Но прежде чем направить все материалы эксперту, он должен выполнить ещё одно требование закона: познакомить с постановле-

нием подозреваемого (обвиняемого), если он уже проходит по делу.

Обязанность следователя ознакомить подозреваемого (обвиняемого) с постановлением о назначении экспертизы вытекает из права подозреваемого (обвиняемого) на защиту от предъявленного ему обвинения. Он реализует это право путём предоставленной ему законом возможности заявить отвод эксперту, если сомневается в его объективности или компетентности, просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц, представить дополнительные вопросы эксперту, ходатайствовать о личном присутствии при производстве экспертизы. Об ознакомлении подозреваемого (обвиняемого) с постановлением составляется специальный протокол. И только после этого материалы направляются в избранное экспертное учреждение.

Руководитель экспертного учреждения, получив постановление и все прилагаемые к нему объекты и материалы, выбирает из сотрудников учреждения соответствующего специалиста и поручает ему производство экспертизы. Причём он под расписку предупреждает сотрудника, назначенного экспертом по этому делу, об уголовной ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу ложного заключения.

Не всегда в экспертном учреждении имеется специалист нужного следователю профиля. Например, требуется решить вопросы об исполнителе художественного произведения — картины, этюда, авторе музыкального произведения или ответить на вопрос из области метеорологии, судовождения и т. д. Для таких случаев предусмотрен другой порядок производства экспертизы: вне экспертного учреждения. Следователь сам избирает специалиста, который сможет провести подобную экспертизу, приглашает его к себе, разъясняет ему права и обязанности и поручает производство экспертизы. Он сам предупреждает эксперта об ответственности по закону за отказ от производства экспертизы и за дачу ложного заключения. Может возникнуть вопрос: может ли эксперт в каких-то случаях отказаться от производства экспертизы, например, по причине своей занятости или по какой-нибудь иной причине?

На этот вопрос следует ответить утвердительно. Во-первых, эксперт не только может, но и обязан отказаться от производства экспертизы, если он прямо или косвенно заинтересован в исходе дела, либо является свидетелем по делу или потерпевшим, либо производил по этому делу расследование в качестве следователя и т. п. Во-вторых, если поставленный перед ним вопрос выходит за пределы его компетенции. Например, перед экспертом-искусствоведом ставится вопрос, относящийся к компетенции эксперта-химика (о составе краски или лака и т. п.). В-третьих, если представленных эксперту материалов недостаточно для решения экспертной задачи, и они по его ходатайству перед органом, назначившим экспертизу, не могут быть восполнены. В-четвертых, если поставленная перед экспертом задача при существующем уровне науки пока неразрешима или для её решения отсутствует необходимая приборная база в данном экспертном учреждении.¹

¹ Подольный Н. А. Отдельные проблемы оценки заключения эксперта // Рос. судья. — 2005. — № 11. — С. 33–35.

Если никаких препятствий к производству экспертизы не возникло, эксперт приступает к исследованию представленных объектов. Задачи, которые он решает, по своему содержанию различны. Это может быть задача по идентификации (отождествлению) объекта: пистолета по выстрелянным пулям или гильзам, исполнителя документа — по признакам почерка, пишущей машинки — по машинописным документам, человека — по следам рук, босых ног, ногтей, по фотографии и т. п., орудий взлома — по их следам на месте происшествия, шин — по их отпечаткам на грунте дороги и т. п. Во всех этих и подобных случаях решается задача установления конкретного, индивидуально-определённого объекта. Если же материала для этого не хватает, эксперт устанавливает так называемую групповую принадлежность объекта, т. е. принадлежность объекта к какой-либо группе, роду, даже классу. След оставлен, например, шиной такой-то модели, или пальцами взрослого человека, или кровь принадлежит к такой-то группе.

Нередко эксперту приходится решать так называемые диагностические задачи: о состоянии или природе объекта, о наличии подделки в документе и способе, которым она была выполнена, о переклейке фотографии на документе, перебивке номеров на двигателе автомашины и прочие. Иногда он решает ситуационные задачи, связанные с исследованием той или иной ситуации на месте происшествия или при совершении преступления, например, по восстановлению положения стрелявшего и потерпевшего в момент выстрела, по установлению, кто находился за рулём автомашины в момент происшествия, и др.

Для производства сложных или многообъектных экспертиз могут привлекаться несколько экспертов одного профиля. Такая экспертиза называется комиссионной. Если эксперты приходят к общему заключению по поставленным вопросам, они дают общее заключение; в случае, если кто-либо из членов комиссии экспертов не согласен с мнением остальных, он даёт своё отдельное заключение. Поскольку по российскому законодательству экспертом является только физическое лицо (экспертизы от имени юридического лица, от имени учреждения закон не предусматривает), то и ответственность за выводы носит сугубо персональный характер: каждый член комиссии экспертов за заключение отвечает лично.

Иногда для решения экспертной задачи необходимо использовать специальные познания из различных областей науки или техники. В этом случае проводится комплексная экспертиза. В отличие от комиссионной комплексную экспертизу проводят представители различных видов (родов) судебной экспертизы: криминалисты и судебные медики, криминалисты и автотехники, судебные медики и химики и т. п. Каждый из экспертов несёт в этом случае ответственность за ту часть исследования, которая была осуществлена лично им¹.

Итогом проведённого исследования является документ, который

¹ Назначение и производство судебных экспертиз: пособие для следователей, судей и экспертов / под ред. Н. А. Химичевой. — М.: Юрид. лит., 1988. — С. 36.

называется заключением эксперта. В нём указывается, кто проводил экспертизу и на каком основании, какие вопросы были поставлены перед экспертом, какие исследования и с помощью каких методов были осуществлены, и даются ответы на поставленные вопросы. К заключению прилагаются различные иллюстрированные материалы: фотоснимки, схемы, графики, диаграммы и т. д.

Выводы эксперта могут быть трёх видов: категорические — утвердительные или отрицательные («документ исполнен Ивановым», «пуля, извлечённая из трупа Н., выстреляна из представленного на исследование пистолета № ...»), условно-категорические («если..., то...») и вероятные («след на косяке двери мог быть оставлен представленным на исследование ломиком», «подпись от имени Н. могла быть исполнена К.»). Доказательственное значение имеют только категорические выводы, поскольку вероятный вывод не исключает противоположного мнения и, следовательно, не может быть положен в основу обвинения или оправдания лица.

Но вот экспертиза проведена, и заключение поступает к следователю (суду). Он обязан ознакомить с ним подозреваемого (обвиняемого) и сам оценить заключение с точки зрения соблюдения экспертом процессуальной процедуры проведения экспертизы, научной и логической обоснованности проведённого исследования и полученных результатов, их достоверности, полноты ответов эксперта. Если при этом у него возникают обоснованные сомнения в достоверности и обоснованности заключения, выводов эксперта, он может назначить повторную экспертизу, производство которой поручается другому эксперту (экспертам). Если же в заключении обнаружатся пробелы, для их восполнения может быть назначена дополнительная экспертиза, производство которой может быть поручено тому же эксперту. Есть ещё одно средство восполнения пробелов в заключении или получения нужных разъяснений по поводу тех или иных мест в заключении — допрос эксперта следователем¹.

Решение о производстве повторной или дополнительной экспертизы, о допросе эксперта может быть принято следователем и по ходатайству подозреваемого (обвиняемого) или его защитника.

Экспертиза — основной канал, по которому достижения передовой науки и техники внедряются в судопроизводство. Её возможности постоянно расширяются. Знать современные возможности судебных экспертиз — долг следователя. Для облегчения ему этой задачи разработаны классификация судебных экспертиз по видам обосновывающего их знания и перечни типовых вопросов, которые они решают. Одним из наиболее распространённых в следственной и судебной практике судебных экспертиз является класс экспертиз криминалистических. Он представлен такими родами и видами криминалистических экспертиз, как трасологическая (исследование следов человека, животных, транспортных средств, орудий, инструментов и механизмов); судебно-баллистическая (исследование оружия, боеприпа-

¹ Великий Д. Процессуальное значение допроса эксперта // Рос. юстиция. — 2000. — № 9. — С. 46–47.

сов и следов их применения); криминалистическая экспертиза документов и её виды: почерковедческая, автороведческая (установление автора документа) и технико-криминалистическая экспертиза документов (исследование машинописи, печатей и штампов, выявление подделки и т. п.), фото-техническая экспертиза, экспертиза бумажных денег и ценных бумаг; портретно-криминалистическая и фоноскопическая экспертизы.

Широкое распространение получили автотехническая и пожарно-техническая экспертизы, различные роды экономических экспертиз, товароведческая и технологическая, зоологическая и ботаническая экспертизы и др. И, конечно же, ни одно дело о гибели или телесных повреждениях людей, о сексуальных преступлениях не обходится без производства судебно-медицинской, а иногда и судебно-психиатрической экспертизы.

В наши дни исследования, подобные экспертным, помимо государственных экспертных учреждений нередко проводят специализированные учреждения негосударственного профиля — по поручению адвокатов, обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов и ответчиков и др. Возникла целая сеть таких учреждений, имеющих соответствующие лицензии Министерства юстиции, выполняющих исследования на договорных началах. Их результаты оформляются как заключениями экспертов, так и заключениями специалистов, и активно используются при доказывании в уголовном судопроизводстве¹.

Глава 3. **ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ** **В УСТАНОВЛЕНИИ ИСТИНЫ ПО ДЕЛУ**

Основной и наиболее детально регламентированной на сегодняшний день формой использования специальных знаний в процессе установления обстоятельств уголовных дел является судебная экспертиза.

Сведущие лица, обладающие специальными знаниями в области науки, искусства, техники или ремесла, привлекаемые судом для проведения исследования фактических обстоятельств, называются судебными экспертами, а соответствующая экспертиза — судебной.

Термин «судебная экспертиза» означает, что имеется в виду не любая экспертиза, а используемая в судопроизводстве. Иными словами, судебная экспертиза — одна из разновидностей экспертизы вообще, обладающая особыми признаками, описанными в процессуальном законе (ГПК, АПК, УПК), т. е. характерной чертой судебной экспертизы является её процессуальная форма.

Задачей производства судебной экспертизы является получение но-

¹ Профессия эксперт: учебник / под ред. Е. Р. Россинской. — М.: Юристъ, 1999. — С. 5–9.

вых знаний (сведений) за счёт проведения исследований лицами, сведущими в специальных отраслях знания (но не в юриспруденции).

Экспертиза — это процессуальное действие, заключающееся в исследовании экспертом по поручению следователя (суда) вещественных доказательств, иных материальных объектов и материалов с целью установления фактических данных и обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного или гражданского дела.

Предмет экспертизы — специфические факты (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые на предварительном и судебном следствии с помощью соответствующих специальных познаний (криминалистическая экспертиза, необходимость идентификации).

Объект экспертизы — имеющиеся в деле носители информации о фактах и событиях, подлежащих исследованию с помощью специальных познаний.

Изучение того или иного объекта позволяет установить факты в соответствии с поставленными перед экспертом вопросами:

- человек (особенности развития, психического состояния, наличие повреждений, особенности восприятия и т. д.);

- трупы;

- животные (их следы);

- механизмы;

- агрегаты, средства транспорта и их отражение во внешней среде;

- документы и их информационное содержание.

Своеобразие предмета и объекта экспертизы определяет и специфику её методики (приёмов и средств исследования, заимствованных из других наук)¹.

Экспертное исследование проводит специалист, действующий по поручению следователя или суда, оформленному в виде постановления. При этом к эксперту предъявляются следующие требования:

- быть компетентным лицом (обладать специальными познаниями, о чём свидетельствует его образование, работа, стаж, аттестация);

- быть беспристрастным (объективным).

Следователь, принимая решение о назначении экспертизы, исходит из следующих соображений:

1) существенны ли те обстоятельства, которые предполагается установить путём экспертизы;

2) можно ли их достоверно установить с помощью имеющихся научных методов исследования;

3) не существует ли других путей решения вопроса — более простых и достаточно надёжных: допрос, осмотр.

Своевременность экспертизы определяется тем, что: возникли вопросы, для разрешения которых требуются специальные познания и собраны материалы, необходимые для дачи заключения.

¹ Победкин А. В. Уголовный процесс: учебник / Под ред. В. Н. Григорьева / А. В. Победкин, В. Н. Яшин. — М.: Книжный мир, 2004. — С. 248.

Судебные экспертизы могут быть классифицированы следующим образом:

1. По отраслям знаний:

- криминалистическая — это такая экспертиза, которая имеет своим содержанием исследование предметов, документов, являющихся вещественными доказательствами (почерк и технико-криминалистическая экспертиза документов, огнестрельного оружия и следов его применения, следов, отождествление личности по внешним признакам);

- судебно-медицинская (трупа, живых лиц, сексопатологическая);

- судебно-медицинская вещественных доказательств (крови, биологическое исследование, выделений, волос);

- судебно-психиатрическая;

- судебно-бухгалтерская;

- судебно-техническая (автотехническая, строительно-техническая, пожарно-техническая, по технике безопасности и др.);

- биологическая (установление природы вещественных доказательств, являющихся объектами животного и растительного происхождения);

- судебно-агротехническая;

- судебно-ветеринарная;

- судебно-химическая и физико-химическая (неизвестного вещества, лакокрасочных материалов, металлов, сплавов, стекла, почвы, нефтепродуктов, наркотиков и др.).

2. По последовательности проведения:

- первичные;

- повторные (проводит другой эксперт, если установлено противоречие между заключением эксперта и достоверными материалами дела, заключение необоснованно, его правильность вызывает сомнение, превысил компетенцию, нет ясных ответов).

3. По объёму исследования:

- основные;

- дополнительные (основная недостаточна по ясности, неполная, или есть новые материалы или новые вопросы).

4. По количеству лиц, принимающих участие в исследовании:

- единоличные;

- комиссионные

5. По составу используемых знаний:

- однородные;

- комплексные.

6. По характеру решаемых задач:

- идентификационные;

- классификационные (групповая принадлежность);

- диагностические.¹

Большинство экспертиз производится в специальных государственных экспертных учреждениях.

¹ Енаева Л. К. Уголовный процесс: учебное пособие / Л. К. Енаева. — М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2007. — С. 161.

Создание таких учреждений было вызвано необходимостью применения научно обоснованных методик исследования, использования совершенной научно-технической аппаратуры, систематизации и обобщения экспертной практики и подготовки экспертных кадров.

Иногда экспертизы проводятся в научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях. Производство экспертизы может быть поручено отдельным специалистам, не являющимся сотрудниками экспертного учреждения или научно-исследовательского института. Например, литературоведческая экспертиза поручается видным деятелям литературы.

Во всех случаях следователь должен принимать решение о назначении экспертизы на основе глубокого и всестороннего анализа доказательств. Следователь должен далее выяснить, в состоянии ли специалисты ответить на интересующий его вопрос.

Процесс подготовки к назначению экспертизы следует рассматривать как необходимое условие эффективности и качества экспертных исследований.

Подготовка включает в себя элементы:

- принятие решения о необходимости назначения экспертизы;
- сбор, отбор, хранение и приготовление к направлению на экспертизу объектов (образцов) экспертного исследования;
- выбор экспертного учреждения или эксперта;
- формулировка вопросов для постановки их перед экспертом;
- вынесение постановления о назначении экспертизы;
- ознакомление с ним обвиняемого;
- разрешение заявленных им ходатайств;
- исполнение постановления — направление его и объектов исследования в экспертное учреждение или эксперту¹.

Необходимые для исследования и дачи заключения объекты могут быть получены при производстве различных следственных действий — осмотров, обысков, выемок, следственных экспериментов и т. д., причём эти действия не преследуют цели получить объекты специально для будущего экспертного исследования.

В этих случаях чаще всего производятся осмотры, обыски и получение образцов для сравнительного исследования. Большую помощь следователю при этом оказывает специалист, который помогает в обнаружении, фиксации, отборе и изъятии тех или иных предметов или документов — будущих объектов экспертного исследования. Объекты для экспертизы могут быть получены следователем от потерпевших, представителей различных организаций и предприятий, представителей общественности и других лиц.

Для того чтобы экспертное исследование и заключение были достоверными, полными и объективными, следователь должен установить несомненность происхождения объектов исследования, т. е. достоверно установить, что на исследование направлены именно те следы и другие вещественные доказательства, образцы для сравнительного исследования, кото-

¹ Платоненко Н. А. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы / Н. А. Платоненко // Эксперт-криминалист. — 2006. — № 1. — С. 13–15.

рые были обнаружены или получены при проведении следственных действий, либо доставлены кем-либо из участников уголовного процесса или другими лицами. Эта несомненность происхождения объектов исследования обеспечивается точным соблюдением установленных законом правил фиксации, изъятия и сохранения обнаруживаемых объектов — они должны быть в присутствии понятых изъяты, обнаружены, осмотрены, описаны, сфотографированы, скопированы путём снятия оттисков, слепков, упаковки и опечатаны.

Образцы для сравнительного исследования должны быть получены с соблюдением требований изложенных в ст. 186 УПК РФ.

Собирая материалы, следователь может провести предварительное изучение имеющихся у него предметов или документов с тем, чтобы определить, какие именно из них будут необходимы для экспертного исследования, например, из большого числа документов, изъятых при расследовании уголовного дела о хищении государственного имущества, выбрать лишь те документы, которые касаются финансово-хозяйственной деятельности подозреваемых или подделаны тем или иным способом.

Полнота и чёткость выводов экспертов во многом зависят от правильности формулирования вопросов, подлежащих экспертному решению, в постановлении (определении) о назначении экспертизы. Эти вопросы не могут быть правовыми, выходить за рамки компетенции эксперта и возможности экспертизы. Вместе с тем перед экспертом можно ставить вопросы, касающиеся соответствия (несоответствия) каких-либо действий (бездействий) участников исследуемого события тем или иным правилам, инструкциям, если содержание последних носит в основном технический, а не правовой характер.

Эксперту в необходимых случаях предоставляется возможность ознакомиться не только с материалами, которые направлены на экспертизу, но и со всеми материалами дела. Если эксперт считает, что материалы недостаточны для дачи заключения, он вправе ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов или в письменной форме сообщить следователю о невозможности дать заключение.

В общем виде можно выделить следующие стадии экспертного исследования:

- подготовительная (ознакомление с информацией и материалами, осмотр объектов, составление плана);
- детальное исследование (аналитическое изучение общих и частных признаков каждого объекта для выявления их сущности);
- сравнительное исследование (выявление совпадения или различия признаков сравниваемых объектов);
- синтеза и оценки результатов исследования (построение выводов);
- стадия фиксации результатов исследования (заключение: введение, исследование, выводы)¹.

¹ Плесовских Ю. Г. Цели и задачи судебно-экспертного исследования: проблемы теоретического обоснования / Ю. Г. Плесовских // Эксперт-криминалист. — 2006. — № 1. — С. 6–11.

Выводы экспертов по степени определённости могут быть категорическими и вероятными.

Те и другие по отношению к исследуемому и устанавливаемому факту: утвердительные (положительные) или отрицательные, вместе с тем иногда выводы могут быть более сложными. Например, альтернативными (в основе которых лежат разделительные суждения) и условными (если утвердительные выводы зависят от достоверности других обстоятельств).

Вероятный вывод эксперта не является доказательством, а носит лишь ориентирующий характер, подсказывающий следственные версии, возможное направление следственного поиска других доказательств по делу. Такой вывод ни в коем случае не следует игнорировать, но использовать содержащуюся в нем информацию следует осторожно и продуманно, тем более что он не исключает существования другой возможности по исследуемому делу.

Если же эксперт в ходе исследования устанавливает какие-то факты, по поводу которых не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своих выводах. Выводы эксперта могут иллюстрироваться фотоснимками, схемами, таблицами и другими наглядными дополнениями, усиливающими их убедительность.

Категорические заключения экспертов являются источниками доказательств, а фактические данные, изложенные в заключении — доказательствами по делу.

Как и любое доказательство, заключение эксперта подлежит оценке.

Этапы оценки:

- проверка соблюдения требований закона;
- оценка научной достоверности выводов эксперта.

Следователь анализирует вопросы:

- соблюдены ли процессуальные нормы при подготовке, назначении и производстве экспертизы;
- соответствуют ли структура и содержание заключения требованиям закона;
- обоснованы ли произведённые исследования с научной точки зрения и соответствуют ли они знаниям эксперта;
- соответствуют ли выводы эксперта данным, содержащимся в исследовательской части заключения.

В результате оценки заключения эксперта следователь может принять одно из следующих решений:

- признать его доброкачественным, включить в число других источников доказательств и использовать при доказывании обстоятельств дела;
- признать неполным или недостаточно ясным и, если при допросе эксперта не было возможности устранить неясность, назначить дополнительную экспертизу;
- признать заключение эксперта необоснованным, противоречащим материалам дела (вызывающим сомнение) и назначить повторную экспертизу или провести иные следственные действия с целью проверки результатов экспертизы.

Следователь должен выяснить, тот ли эксперт проводил экспертизу,

который указан в постановлении, квалификацию его, все ли направленные образцы использовались, ответил ли эксперт на все вопросы, являются ли ответы полными. Допросы эксперта производятся в случаях, если необходимо детализировать ответы, следовательно неясна методика исследования, возникают сомнения в объективности эксперта и др.¹.

Значение экспертизы заключается в том, что:

- 1) содержит источник доказательственной информации;
- 2) может указать на причинные связи и происхождение отдельных признаков, фактов, механизмы их образования;
- 3) позволяет обозначить время наступления и существования определённых явлений;
- 4) может выявить тождество лиц, животных, предметов, веществ, их групповую принадлежность;
- 5) помогает установить состав вещества, его качественной характеристики;
- 6) способствует установлению фактов и состояний, имеющих юридическое значение;
- 7) оказывает помощь в правильной юридической оценке явлений и фактов;
- 8) помогает предотвратить судебные ошибки.

Глава 4.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ, специалист — это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию².

Благодаря участию специалиста на месте происшествия можно:

- 1) определить объект по следам транспортного средства, обуви, орудий взлома;
- 2) выявить признаки и свойства личности лица по отпечаткам пальцев и другим обнаруженным следам;
- 3) по обнаруженным на месте происшествия следам выявить групповую принадлежность объектов;
- 4) установить механизм образования следов, а также совершения преступных действий.

¹ Трубкина О. В. Криминалистическая тактика: Курс лекций. Ч. 2 / Под ред. О. В. Трубкиной, С. Г. Зюзина. — Иркутск: ВСИ МВД РФ, 1999. — С. 51–54.

² Мамошин М. А. К вопросу о применении специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. — 2007. — № 3. — С. 8.

Заключения и показания специалиста помогают органам предварительного расследования выявлять лиц, виновных в совершении преступлений, устанавливать их местонахождение, а также места сокрытия орудий преступления и похищенного.

От полноты собранных материалов, объектов, вещественных доказательств, необходимых для дачи заключения зависит обоснованность выводов специалиста.

На практике применяется использование специальных знаний специалиста в форме проведения предварительных исследований на месте происшествия с целью получения информации, содержащейся в выявленных следах и неподдающейся непосредственному восприятию и оценке. Оно помогает получить ориентирующую информацию о подозреваемом, механизме и иных обстоятельствах преступления, для скорейшего раскрытия и расследования преступления, а также для использования полученных доказательств в ходе предварительного расследования.

Предварительное исследование на месте происшествия, как это следует из ч. 1 ст. 144 УПК РФ, оформляется заключением специалиста.

Проведение исследований сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений на стадии возбуждения уголовного дела необходимо для принятия решения о возбуждении уголовного дела для установления наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В этой связи А. М. Ларин отмечал: «Чем быстрее следователь и оперативный работник получают необходимую информацию по делу, тем реальнее шансы на то, что преступление будет раскрыто, а виновный изобличён»¹.

«В стадии возбуждения уголовного дела вполне возможно использование специальных познаний в других, помимо экспертизы, формах: следователь может истребовать различные справки, консультироваться со специалистами. А поскольку закон не требует, чтобы в стадии возбуждения уголовного дела факт преступления был достоверно установлен, в ходе предварительного расследования может окончательно решаться вопрос не только о наличии преступления, но и о его отсутствии»². К другим формам применения специальных знаний, помимо экспертизы, следует отнести заключение специалиста.

Процесс доказывания в уголовном процессе начинается с момента поступления заявления или иного сообщения о преступлении, т. е. со стадии возбуждения уголовного дела. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщений о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь, вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов. Акты документальных проверок и ревизий признаются доказательствами и подлежат приобщению к материалам уголовного дела.

¹ Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. — М., 1966. — С. 45–50.

² Орлов Ю. К. Экспертиза в досудебных стадиях уголовного процесса // Правовые проблемы судебной экспертизы: сб. науч. тр. ВНИИСЭ. Вып. 22. — М., 1976. — С. 140–141.

Высказывания о том, что в случае получения заключения специалиста в стадии возбуждения уголовного дела могут быть существенно ущемлены права и интересы граждан, заинтересованных в исходе дела, безосновательны.

В этой связи профессор Р. С. Белкин подчеркнул, что «в стадии возбуждения уголовного дела лица ещё не наделены статусом подозреваемого и тем более обвиняемого»¹. При поступлении заявления или сообщения о совершённом или готовящемся преступлении имеется только пострадавший (статусом потерпевшего он может быть наделён только после возбуждения уголовного дела), который является заинтересованным лицом в скорейшем раскрытии преступления.

Кроме того, ущемление прав и интересов граждан невозможно при проведении исследований в форме заключения специалиста, т. е. меры процессуального принуждения на данном этапе производства ни к кому не могут применяться. Диагностические исследования, производимые для установления признаков преступления, ничьи права и интересы не затрагивают.

Относимость заключения специалиста подразумевает, что специальное исследование было проведено на основе материалов данного уголовного дела, и его результаты имеют значение для его правильного и справедливого решения.

Наиболее сложный этап оценки заключения специалиста — определение его достоверности, то есть научной обоснованности полученных выводов. Оценивая научную обоснованность и достоверность заключения специалиста, следователь должен установить:

1. Действительно ли оно основано на конкретных положениях науки.
2. Полноту проведённого исследования, учтены ли специалистом поставленные на разрешение вопросы и изучены предоставленные материалы.

Рассматривая вопрос об объёме материалов, которые могут предоставляться специалисту, необходимо отметить, что УПК РФ не предусматривает право специалиста знакомиться с материалами дела, которые могут относиться к предмету заключения специалиста. Однако он может принимать участие в процессуальных действиях, задавать вопросы их участникам (ч. 2 ст. 58 УПК РФ).

Во время оценки судом заключения специалиста требуется анализ всех указанных материалов, которые были представлены специалисту. Это успешно может быть выполнено судом путём допроса специалиста или обращением к консультации специалиста по вопросу, были ли необходимы и в каком объёме сведения, предоставленные специалисту.

Так, например, президиумом Северо-Кавказского окружного военного суда 12 апреля 2016 г. рассмотрено уголовное дело по кассационной жалобе защитника Бриллиантова В. Н. о пересмотре приговора Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 9 июля 2014 г., оставленного без изменения апелляционным определением судебной коллегии по уголовным

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. / Р. С. Белкин. — М., 2007. — С. 103.

делам Северо-Кавказского окружного военного суда от 18 сентября 2014 г., в отношении военнослужащего войсковой части Погорелова А. А.

В обоснование жалобы защитник, приводя собственный анализ законодательства и доказательств по делу, указывает, что суд не устранил противоречия в исследованных доказательствах, в частности, показаниях свидетеля И., а также дал неверную оценку иным доказательствам, приведённым в приговоре: постановлениям о признании пакета и содержащегося в нём наркотического средства — вещественными доказательствами; справке об их исследовании и заключению эксперта-криминалиста. В жалобе также указано, что в деле нет и сведений о специалисте, о разъяснении ему прав и обязанностей, о предупреждении его об административной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Вопреки утверждениям в жалобе, из содержания имеющихся в деле доказательств: протокола о доставлении Погорелова в дежурную часть Отдела полиции № 2; протокола об административном задержании; протокола осмотра пакета, содержащего наркотическое средство; справки об исследовании; заключения эксперта-криминалиста; рапорта сотрудника полиции; протокола осмотра предметов; постановления о признании документов и предметов вещественными доказательствами и других соответствующих исследуемому вопросу документов, в их взаимосвязи усматривается, что в присутствии понятых изъятый у Погорелова при личном досмотре, в ходе оформления административного задержания, синий пакет с содержащимся в нём наркотическим веществом был помещён в другой прозрачный полиэтиленовый пакет, в установленном порядке опечатан и скреплён подписью понятых и сотрудника полиции. Затем, до того как Погорелов был освобождён из под ареста, этот пакет нарочным порядком передан для исследования эксперту, которым установлено, что данное вещество является наркотическим средством. По завершении указанного исследования тем же экспертом данный пакет предусмотренным порядком упакован и опечатан за его подписью. В последующем, на стадии предварительного следствия, в связи с назначением соответствующей экспертизы этот же пакет в том же запечатанном виде был передан эксперту-криминалисту, которым проведена экспертиза по наркотическому средству и дано заключение. Кроме того, пакет с его содержимым обоснованно органом следствия признан вещественным доказательством, приобщён к материалам дела с определением места его хранения, а судом при постановлении приговора относительно данного вещественного доказательства принято правильное решение. Каких-либо оснований считать, что изъятый у Погорелова при личном досмотре пакет с наркотическим веществом подвергся изменению по объёму, составу или свойствам либо был подброшен Погорелову при его задержании, или возвращён ему при его освобождении из-под ареста ночью, из материалов дела не усматривается, а утверждения защитника об обратном носят предположительный характер и являются беспочвенными. Ссылка защитника на то, что в деле нет сведений о специалисте, разъяснении ему прав и обязанностей, предупреждении его об административной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, является несостоятельной.

Как следует из справки о результатах исследования представленного наркотического вещества, она составлена капитаном полиции А., который является экспертом. Поскольку А. является штатным экспертом государственного экспертного учреждения, то его права и обязанности, в том числе и ответственность за дачу заведомо ложного заключения, непосредственно предусмотрены его функциональными обязанностями, в связи с чем приведение этих сведений в составленной экспертом справке не являлось обязательным. Сведения же о специалисте указаны в этой справке в достаточной степени и не влияют на обоснованность и объективность данного документа, согласующегося с экспертным заключением и другими доказательствами по делу. В связи с этим утверждения в жалобе, что все производные от этого документальные доказательства являются недопустимыми и подлежат исключению из числа таковых, несостоятельны.

Таким образом, следует признать, что приговор суда первой инстанции в части осуждения Погорелова за незаконное хранение без цели сбыта наркотического средства в крупном размере является законным и обоснованным.

При производстве специального исследования в суде, даже если заключение специалиста давалось им ранее, на предварительном следствии, специалист может существенно расширить объём своего исследования и даже изменить его направленность. В этих случаях суд должен путём допроса специалиста получить на этот счёт пояснения, в частности, какие новые обстоятельства использовал специалист в своём заключении, нашли ли они отражение в протоколе судебного заседания.

В принципе, закон не запрещает специалисту в своём заключении описывать проведённые им исследования. К тому же описание исследования в заключении специалиста облегчит оценку его обоснованности¹.

В соответствии со ст. 196 УПК РФ в случаях, когда назначение и производство судебной экспертизы обязательно, не может быть и речи о получении следователем заключения специалиста. К тому же при наличии заключения специалиста следует назначать соответствующую экспертизу в случаях: противоречия заключения специалиста другим доказательствам; наличия сомнений в его достоверности и обоснованности; заявления стороной ходатайства о проведении судебной экспертизы после ознакомления с заключением специалиста².

Специалист может быть подвергнут допросу (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) для получения сведений об обстоятельствах, требующих специальных знаний, и разъяснения своего мнения в соответствии со ст.ст. 53, 168, 271 УПК РФ. Он может дать показания как по поводу своего заключения, так и об его участии в следственном действии, об оказанной им следователю помощи в обнаружении и фиксации следов, вещественных доказательств, способов использования им во время следственного действия технических средств.

Необходимо отметить некоторую схожесть функций специалиста

¹ Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. — 2005. — № 7. — С. 32.

² Быков В. Заключение специалиста // Законность. — 2004. — № 9. — С. 23.

с функциями эксперта. Однако основным отличием является то, что, в отличие от эксперта, специалист не проводит исследование, а только высказывает своё мнение, суждение по поставленным перед ним сторонами вопросам (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

Важной деталью в деятельности специалиста является то, что он не несёт уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, в отличие от эксперта, что, с одной стороны, может играть на руку подозреваемому и обвиняемому, а с другой — данный факт должен заставить суд и участников со стороны обвинения относиться к таким доказательствам достаточно осторожно, чётко следуя этапам проверки и оценки доказательств.

Так, на приговор осуждённым Лыковым Д. Г. подана апелляционная жалоба, в которой ставится вопрос об отмене судебного решения и прекращении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ. По доводам апелляционной жалобы суд принял функцию органа, осуществляющего уголовное преследование, поскольку, придя к выводу, что стороной обвинения не представлено достаточных доказательств совершения осуждённым растраты денежных средств в особо крупном размере, постановил обвинительный приговор, которым осуждённый признан виновным в совершении преступления, в совершении которого в ходе предварительного и судебного следствия не обвинялся.

На основании изложенного суд первой инстанции обоснованно признал допустимым и достоверным доказательством заключение специалиста государственного экспертного учреждения системы МВД и отверг выводы заключения специалистов ООО «Восточная консалтинговая компания», перед которыми стороной защиты была поставлена задача по проведению рецензирования заключения специалиста государственного экспертного учреждения системы МВД. При оценке заключений специалиста государственного экспертного учреждения системы МВД и специалистов ООО «Восточная консалтинговая компания» суд первой инстанции верно исходил из положений ст. 17 УПК РФ, предусматривающей, что никакие доказательства в уголовном деле не имеют заранее установленной силы. Анализируя заключение специалиста государственного экспертного учреждения системы МВД, суд пришёл к правильному выводу, что выводы этого заключения согласуются с иными исследованными доказательствами, подтверждены специалистом в суде первой инстанции, заключение специалиста отвечает требованиям ст. 80 УПК РФ. При этом заключением специалистов ООО «Восточная консалтинговая компания» дана оценка вышеуказанному заключению, что не соответствует положениям уголовно-процессуального закона. Оценка заключения специалиста — это компетенция суда.

Суд апелляционной инстанции считает, что суд первой инстанции проверил заключения специалистов, представленные сторонами, путём сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле; суд оценил каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Исходя из совокупности исследованных доказательств, суд первой инстанции пришёл к обоснованному выводу о допустимости и достоверности заключения специалиста государственного экспертного учреждения

системы МВД в качестве доказательства и правильно отверг заключение специалистов ООО «Восточная консалтинговая компания». На правильность оценки указанных доказательств не влияет тот факт, что специалист государственного экспертного учреждения системы МВД не была предупреждена об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Вопреки суждениям специалистов ООО «Восточная консалтинговая компания», уголовно-процессуальным законом не предусмотрено предупреждение специалиста об ответственности при даче им письменного заключения. Согласно ст. 307 УК РФ к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного письменного заключения может быть привлечён только эксперт¹.

Анализируя различия в деятельности эксперта и специалиста, следует отметить, что приглашать специалиста для участия в деле может как сторона обвинения, так и сторона защиты. Однако следует отметить, что этим правом со стороны участников защиты может воспользоваться только адвокат. Что же касается эксперта, то сторона защиты может заявить ходатайство перед следователем о назначении судебной экспертизы, а правом самостоятельного приглашения эксперта, как в случае со специалистом, она не обладает.

От специалиста не всегда требуется свои суждения оформлять в виде заключения. Как правило, бывает достаточно его показаний, сообщённых им на допросе. Показания эксперта следуют только после дачи им заключения по поводу проведённого им исследования.

Таким образом, по своей природе заключение специалиста и его показания — это всё те же выводные знания лица, компетентного в соответствующей области науки, техники, искусства и ремесла, сформулированные применительно к определённой совокупности изученных обстоятельств, но без проведения специального исследования. Кроме того, в отличие от экспертного заключения, которое может основываться только на материалах уголовного дела, заключение специалиста в качестве исходного материала всегда включает в себя сведения, полученные в результате его личного участия в следственных действиях. Подготовка специалистом заключения детально не регламентирована процедурными правилами, в отличие от экспертизы.

Глава 5. **ПОКАЗАНИЯ ЭКСПЕРТА КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Ранее действовавший УПК РСФСР в ст. 69 в источниках доказательств называл заключение эксперта, но не упоминал его показания. Это был своего рода пробел в уголовно-процессуальном законодательстве. Результаты допроса эксперта вызывали сомнение с точки зрения их использования в качестве доказательств. Ведь информация, получаемая в результате допроса эксперта, не являлась ни показаниями эксперта, поскольку такого вида до-

¹ Апелляционное определение Новосибирского областного суда. Дело № 22-4807/2016

казательств не существовало, ни протоколом допроса эксперта (в силу отсутствия указания на это в ст. 87 УПК РСФСР), ни частью экспертного заключения, т. к. об этом ничего не говорилось в УПК РСФСР. В связи с этим у процессуалистов даже вставал вопрос в целесообразности данного следственного действия. Так, Д. Великий в литературе рассматривает вопрос: «Нельзя ли в таком случае отказаться от допроса эксперта, заменив его другим следственным действием?»¹. Известно, что в следственной и судебной практике использование показаний эксперта было широко распространено. Комментаторы ранее действовавшего УПК РСФСР считали, что ответы эксперта на вопросы, поставленные в ходе его допроса, являются составной частью заключения, разъясняющей его заключение, но не заменяющей его².

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый 18 декабря 2001 г., устранил данный пробел. Так, в соответствии со ст. 74 УПК РФ, появился новый источник доказательств — показания эксперта, которые последний даёт на допросе. Показания эксперта-сведения, сообщённые им на допросе, проведённом после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 УПК РФ (ч. 2 ст. 80 УПК РФ).

Можно выделить следующие признаки этой разновидности доказательств:

- 1) показания эксперта — это всегда устная речь;
- 2) это устная речь лица, которое провело назначенное в установленном порядке исследование и подготовило письменное заключение;
- 3) содержание показаний — сведения, разъясняющие или уточняющие заключение эксперта или его часть;
- 4) показания эксперта могут быть даны только на допросе;
- 5) допрос эксперта должен быть произведён только после дачи им заключения.

Допрос эксперта может быть произведён как на стадии предварительного следствия, так и в судебном заседании.

Так, апелляционным определением Ленинградского областного суда заключение эксперта было признано допустимым доказательством. В апелляционных жалобах сторона защиты ставит вопрос об отмене приговора, ссылаясь на то, что он обоснован недопустимыми доказательствами; просит о вынесении нового приговора на основании законно полученных доказательств. Считает недопустимым доказательством заключение эксперта в отношении вещества, изъятого у Тимошина С., указывает на нарушение процедуры допроса в суде эксперта, заключающееся в том, что суд не огласил заключение эксперта перед её допросом, а потому эксперт не смогла ответить на все вопросы защиты.

Суд в своём решении отметил, что доводы, изложенные в жалобах адвокатов о несоответствии требованиям закона заключения эксперта по пси-

¹ Великий Д. Процессуальное значение допроса эксперта / Д. Великий // Рос. юст. — 2000. — № 9. — С. 46.

² Комментарий к УПК РСФСР / Под ред. А. М. Рекунова, А. К. Орлова. — М., 1985. — С. 144.

хотропному веществу, изъятому у Тимошина С., а также о признании данной экспертизы недостоверным доказательством несостоятельны, поскольку процедура получения заключения эксперта соответствует требованиям ст. 204 УПК РФ, в том числе в соответствии с положениями п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ экспертом подробно изложены содержание и результаты исследования с указанием применённых методов. Вопреки доводам адвоката, оснований для сомнений в обоснованности заключения эксперта суд апелляционной инстанции не имеет. В суде апелляционной инстанции по ходатайству защиты, был допрошен эксперт, давший заключение в ходе предварительного следствия в отношении порошкообразного вещества, изъятого в ходе досмотра автомобиля. При этом после оглашения судом заключения эксперта адвокату была предоставлена возможность задать вопросы, на которые от эксперта получены ответы, в том числе относительно аппаратов, с помощью которых проводилось исследование¹.

Ознакомившись с заключением эксперта, следователь имеет право допросить эксперта. Допрос эксперта может быть произведён как по инициативе следователя, так и по ходатайству подозреваемого, обвиняемого, его защитника. Допрос эксперта производится тогда, когда нет необходимости в дополнительном исследовании представленных эксперту объектов.

В ходе допроса эксперта выясняются:

- 1) сущность специальных терминов и отдельных формулировок;
- 2) данные, характеризующие компетенцию эксперта и его отношение к делу;
- 3) ход исследования экспертом представленных ему материалов, применяемых им методик, приборов и оборудования;
- 4) причины расхождения между объёмом поставленных вопросов и ответами эксперта или между исследовательской частью заключения и выводами;
- 5) диагностические и идентификационные признаки, позволившие эксперту сделать те или иные выводы (выясняется также, в какой мере выводы основаны на следственных материалах);
- 6) причины расхождения выводов членов экспертной комиссии;
- 7) полнота использования экспертом представленных ему материалов и др.

От допроса эксперта следует отличать дополнительную экспертизу, основания назначения которой совпадают с некоторыми из оснований производства допроса. Критерием разграничения оснований проведения допроса эксперта и назначения дополнительной экспертизы служит необходимость в проведении дополнительных исследований. Если для разъяснения содержания заключения не требуется таких исследований, производится допрос эксперта. В противном случае назначается дополнительная экспертиза. Среди оснований проведения допроса в ст. 205 УПК РФ нет такого основания, как дополнение данного экспертом заключения.

¹ Апелляционное определение Ленинградского областного суда. Дело № 22-№/2016.

Эксперт вызывается на допрос в общем порядке: повесткой, телефонограммой, телеграммой, а состоящий на службе в государственном экспертном учреждении — через руководителя данного учреждения (ст. 188 УПК РФ). В случае неявки эксперта без уважительной причины он может быть подвергнут принудительному приводу. Допрос может осуществляться как в месте производства следствия, так и в месте нахождения эксперта. В случаях, когда для получения ответов на возникшие вопросы необходима демонстрация научно-технических средств, которые применялись в ходе экспертного исследования, или методику исследования, допрос эксперта целесообразно произвести в экспертном учреждении.

Допрос эксперта производится по правилам допроса свидетеля, однако при этом следователь должен учитывать особое процессуальное положение допрашиваемого и цели допроса. Перед допросом следователь в случае необходимости удостоверяется в личности эксперта, разъясняет цели допроса, обязанности и права эксперта, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, и делает об этом отметку в протоколе, удостоверяемую подписью эксперта. Необходимо разъяснить также право на возмещение понесённых расходов (ст. 131 УПК РФ), на ознакомление с содержанием протокола допроса, на внесение в него дополнений, поправок и удостоверение протокола своей подписью (ст. 190 УПК РФ). Затем следователь выясняет данные о личности, специальности, компетенции эксперта. Если обнаружатся основания, исключающие участие эксперта в производстве по уголовному делу, сведения об этом фиксируются в протоколе допроса эксперта, допрос прекращается, и следователь назначает повторную экспертизу по правилам ч. 1 ст. 207 УПК РФ.

Допрос эксперта протекает в форме постановки перед ним вопросов и ответов, которые эксперт даёт только в пределах своей компетенции и в связи с проведёнными исследованиями. Эксперт не может быть допрошен по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы (ч. 2 ст. 205 УПК РФ). Например, эксперт-психиатр не может быть допрошен о сообщённых ему испытуемым сведениях, касающихся участников преступления, способов его совершения, мест сокрытия похищенного имущества и т. п. Тем самым эксперт не может выступать в роли осведомителя правоохранительных органов¹.

Протокол допроса эксперта составляется по общим правилам в соответствии со ст. 166 и 167 УПК РФ. Во вводной части протокола указываются следующие данные о личности эксперта: фамилию, имя, отчество, год и место рождения; адрес; образование (общее и специальное); учёную степень и учёное звание; место работы и должность; стаж практической, научно-исследовательской и экспертной работы поданной отрасли знаний и узкой специальности; наличие или отсутствие оснований для отвода. Вопросы, поставленные перед экспертом в ходе допроса, целесообразно фиксировать дословно.

¹ Комментарий к УПК РФ / Под ред. Д. Н. Козака, Е. Б. Мизулиной. — М., 2002. — С. 417.

Таким образом, в процессе допроса эксперта получается два доказательства: показания эксперта и протокол допроса эксперта.

Протокол допроса эксперта наряду с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение должен быть предъявлен следователем подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, которым разъясняется при этом право ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы (ст. 206 УПК РФ).

Если после допроса эксперта данные им разъяснения или уточнения подтвердят недостаточную ясность и полноту выводов, а равно вызовут сомнения в их правильности и обоснованности, следователь на основании ст. 207 УПК РФ вправе назначить дополнительную или повторную экспертизу, причём дополнительная экспертиза может быть назначена тому же либо другому эксперту, а повторная — только другому. Возражения данного эксперта против назначения указанных судебных экспертиз не принимаются. Однако эксперт вправе обжаловать такое решение следователя в порядке, предусмотренном ст. 57 УПК РФ. Если в ходе допроса эксперта выявлена возможность получения новой доказательственной информации путём исследования объектов, в отношении которых экспертиза ещё не проводилась, назначается первичная экспертиза. Она может быть поручена этому же эксперту.

Ныне действующий УПК РФ предусматривает возможность вызова в суд эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования только для его допроса в целях разъяснения данного ранее экспертом заключения. Вызов этот может быть осуществлён по ходатайству сторон или по инициативе суда.

В ст. 282 УПК РФ рассматривается случай вызова в суд для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования. Этот допрос не связан с назначением и проведением экспертизы в судебном заседании. В отличие от допроса эксперта на предварительном следствии (ст. 205 УПК РФ), наряду с такой целью допроса, как разъяснение заключения, названо и дополнение данного им заключения. Это является абсолютно оправданным в случае отсутствия необходимости в производстве дополнительных исследованиях при дополнении заключения эксперта.

При допросе в суде эксперт может привести новые доводы, усилить аргументацию, дать ответы на вопросы, не поставленные во время предварительного расследования и не требующие дополнительного исследования. Допрос эксперта производится по общим правилам.

Глава 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Заключение эксперта — своеобразный и получающий всё более широкое применение в уголовном процессе источник доказательств. Необходимость использования специальных знаний для выяснения обстоятельств уголовных дел обусловлена разнообразием преступлений, обстановкой их со-

вершения, когда в орбиту процессуального производства нередко попадают факты, правильное установление которых невозможно без обращения к помощи лиц, владеющих специфическими знаниями и методами исследования. С развитием науки возможности привлечения её достижений в интересах правосудия растут.

Распространено мнение, что данные любой области знания, кроме правовой, могут потребоваться для установления (объяснения) обстоятельств дела. Выводы же из них, влекущие юридические последствия, обязаны делать правоохранительные органы. Вот почему, даже в тех случаях, когда следователь или судья и обладают какими-либо специальными (кроме правовых) знаниями, необходимыми для выяснения тех или иных обстоятельств дела, закон не позволяет принимать на себя функции экспертов. Это требование обусловлено заботой о квалифицированном, тщательном и объективном производстве экспертизы с созданием необходимых гарантий для всесторонней проверки и оценки заключения эксперта.

Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство не содержит каких-либо ограничений (в зависимости от должностного положения) для привлечения лица в качестве эксперта. В ч. 2 ст. 195 УПК РФ говорится: «Судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями». Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 в ст. 12 расшифровывает, что государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей. Судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами (ст. 41 закона).

Уголовно-процессуальный закон не определяет, что понимать под специальными знаниями, с целью применения которых назначается экспертиза. Специальные знания, как правильно отметил А. Эйсмэн, «это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов, но которыми не располагает адресат доказывания (следователь, суд, участники процесса и др.)»¹.

Заключение эксперта появляется в деле в результате целенаправленной деятельности следователя, суда (судьи), по их поручению. В отличие от иных источников фактических данных, оно содержит выводное знание об интересующих следователя и суд обстоятельствах.

Обязательно назначается экспертиза в случаях, когда необходимо установить (ст. 196 УПК РФ):

- 1) причину смерти;
- 2) степень и характер причинённого здоровью вреда;
- 3) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроиз-

¹ Заключение эксперта: учебник / Под ред. А. А. Эйсмана. — М., 1967. — С. 89.

водстве;

4) психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);

5) психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

б) возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

В большинстве случаев экспертиза поручается одному лицу, обладающему специальными знаниями в одной области отрасли науки, техники, искусства или ремесла. Кроме этого возможны комиссия и комплексная экспертизы.

Комиссионная экспертиза (ст. 200 УПК РФ) проводится не менее чем двумя экспертами одной специальности. Обычно комиссия экспертиза проводится при её особой сложности (например, о психических явлениях), трудоёмкости либо в случае высокой степени вероятности субъективности исследований, проведённых экспертом единолично.

Комплексная экспертиза (ст. 201 УПК РФ) — судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей. Например, при исследовании огнестрельного оружия требуется решить вопросы, пригодно ли оно для стрельбы, не может ли при определённых условиях произойти из него произвольный выстрел, не из этого ли оружия отстреляны пули и гильзы, обнаруженные в трупe потерпевшего и на месте происшествия, каково было взаимоположение стрелявшего и потерпевшего в момент выстрела и пр. Комплексная экспертиза назначается в случаях, когда интересные следствие и суд вопросы не могут быть разрешены экспертами одной специальности. Однако каждый эксперт в этом случае представляет лишь свою отрасль знаний и несёт ответственность лишь за те выводы, к которым пришёл лично он. Участие в формулировании общих выводов комплексной экспертизы могут принимать только те члены экспертной группы, которые могут дать квалифицированную оценку проведённых исследований в целом. При этом эксперты несут ответственность не только за проведённые лично ими исследования, но и исследования других экспертов, чьи выводы положены в основу общих выводов комплексной экспертизы.

Статья 207 УПК РФ предусматривает возможность назначения дополнительной и повторной экспертизы.

Дополнительная экспертиза, как правило, поручается тому же эксперту, однако может быть поручена и другому. Недостаточно полным может быть признано заключение, основанное на исследовании не всех представленных эксперту объектов или не содержащее исчерпывающих ответов на все поставленные вопросы. Кроме того, дополнительная экспертиза назначается при возникновении у следствия новых вопросов из-за недостаточного

объёма исследований, а так же если выводы не вытекают из содержания и результатов исследований, противоречат им и друг другу. Кроме того, данные сомнения могут возникнуть и при сопоставлении экспертного заключения с другими материалами уголовного дела и обнаружения при этом существенных противоречий либо при получении новых доказательств, расходящихся с данными, полученными в ходе экспертного исследования.

Повторная экспертиза назначается в случаях наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов либо возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта. Она, в отличие от дополнительной экспертизы, поручается только другому эксперту. Это может иметь место, когда выводы эксперта противоречат фактическим обстоятельствам дела или в ходе производства по делу установлены новые данные, которые могут повлиять на выводы эксперта, а также в случаях, когда при назначении и производстве экспертизы были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона. Смысл повторной экспертизы — перепроверка уже полученных сведений. Поэтому производство экспертизы всегда поручается другому эксперту более высокой квалификации или нескольким экспертам (комиссионная экспертиза).

Эксперт даёт заключение от своего имени на основании произведённых им исследований и несёт за достоверность и обоснованность личную ответственность.

При назначении для производства экспертизы нескольких экспертов, они до дачи заключения совещаются между собой. Если по результатам проведённых исследований мнения экспертов по поставленным вопросам совпадают, то ими составляется единое заключение. В случае возникновения разногласий каждый из экспертов, участвовавших в производстве судебной экспертизы, даёт отдельное заключение по вопросам, вызвавшим разногласие (ч. 2 ст. 200 УПК РФ).

Законом установлены гарантии получения объективного заключения эксперта, которые проявляются в возможности отвода эксперта и определении его прав, обязанностей и ответственности (ст.ст. 57, 70 УПК РФ).

Эксперт не может принимать участие в производстве по делу при наличии тех оснований, которые устраниают от участия в деле судью, прокурора, следователя, дознавателя. Это основания, предусмотренные ст. 61 УПК РФ. Но существует правило, закрепляющее, что предыдущее участие эксперта в производстве по уголовному делу в качестве эксперта или специалиста не является основанием для отвода. Ещё два обстоятельства, исключающие участие эксперта в производстве по делу, это служебная или иная зависимость от сторон или их представителей и некомпетентность эксперта.

Эксперт несёт ответственность за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ. Представляется, что привлечь эксперта к уголовной ответственности по данной статье можно лишь в случае, если будет соблюдено требование ч. 2 ст. 310 УПК РФ о порядке письменного предупреждения эксперта о такой ответственности. За разглашение данных предварительного расследования эксперт несёт ответственность по ст. 310 УК РФ, если разглашение совершено без согласия лица, назначившего экспертизу.

Глава 7. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Одной из наиболее обсуждаемых на протяжении длительного времени проблем науки уголовного процесса и криминалистики является использование специальных знаний в форме судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Необходимость использовать результаты экспертизы для оценки достаточности оснований возбуждения уголовного дела особенно очевидна по делам, связанным с причинением вреда здоровью, незаконным оборотом оружия, наркотических средств и психотропных веществ. До принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹ обозначенная проблема решалась путём проведения предварительного исследования, результаты которого в зависимости от сложившейся в регионах практики оформлялись либо справкой, либо заключением специалиста.

При этом справку в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ можно отнести только к «иным документам», и, несмотря на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 17 УПК РФ ни одно из доказательств не имеет преимущественного значения перед другими, заключение эксперта в судебной практике всегда расценивалось как более весомое доказательство, чем справка специалиста. Связано это, прежде всего, с тем, что права и обязанности эксперта, зафиксированные в ст. 57 УПК РФ, гарантируют его независимость от сторон, а соответственно, и незаинтересованность в исходе дела. Следует согласиться с М. Махмутовым, отмечающим, что результаты исследования нельзя назвать иначе как «суррогатом доказательств», поскольку в законе не регламентированы ни порядок их получения и оформления, ни их процессуальный статус². Именно поэтому следователь, имея справку о проведённом предварительном исследовании, после возбуждения уголовного дела назначал экспертизу. Однако в ряде случаев подлежащие исследованию объекты полностью расходятся в ходе его производства, и после назначения экспертизы объектом исследования становятся не сами предметы или вещества, а справка о проведённом предварительном исследовании, в связи с чем в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе неоднократно высказывались предложения о необходимости законодательно закрепить возможность производства экспертизы до возбуждения уголовного дела. Об этом, в частности, писали такие учёные, как Р. С. Белкин, полагавший, что нет никаких препятствий для того, чтобы разрешить производство экспертиз до возбуждения уголовного дела, тем более что это даёт возможность проводить их параллельно с осмотром места происшествия и немедленно использовать полу-

¹ См.: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

² Махмутов М. Назначение исследований в стадии возбуждения уголовного дела / М. Махмутов // Законность. — 2010. — № 11. — С. 40–41.

ченные результаты, что важно, особенно в полевых условиях¹; Е. Р. Россинская, отмечавшая, что в ряде случаев «без предварительного исследования, проводимого до возбуждения уголовного дела, вообще нельзя обойтись, но поскольку его результаты не имеют доказательственного значения, исследование затем повторяется в рамках судебной экспертизы, т. е. фактически выполняется двойная работа². Справедливости ради отметим, что существует и противоположная точка зрения. Так, Т. А. Седова отмечает невозможность реализации ряда процессуальных требований, особенно касающихся процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого, при назначении экспертизы до возбуждения уголовного дела, в частности об ознакомлении с постановлением о производстве экспертизы, что объясняет, почему судебная экспертиза не может быть не только осуществлена, но и назначена на этапе предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлении³.

Стремясь разрешить коллизию, вызванную, с одной стороны, необходимостью производства экспертизы до возбуждения уголовного дела, с другой — обеспечением прав подозреваемого и обвиняемого, некоторые авторы предложили вместо предварительного исследования использовать заключение специалиста. Но поскольку в соответствии со ст. 80 УПК РФ заключение специалиста представляет собой лишь «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами», а Верховный суд РФ разъяснил, что «специалист не проводит исследования вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным сторонами»⁴, авторы предлагают в необходимых случаях для дачи заключения разрешить специалисту осуществлять исследование объектов, прежде всего тогда, когда в ходе исследования объект может быть уничтожен или видоизменён⁵.

Однако и заключение специалиста по своему процессуальному статусу отличается от заключения эксперта, т. к. специалист, в отличие от эксперта, не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, не может ходатайствовать о предоставлении ему до-

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. — М.: Норма, 2006. — С. 211.

² См., напр.: Семенцов В. А. О допустимости производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела / А. А. Семенцов // Рос. следователь. — 2010. — № 12. Шейфер С. А. Судебно-медицинская экспертиза и судебно-медицинское освидетельствование / С. А. Шейфер // Уголовно-правовые и процессуальные проблемы реализации уголовной ответственности: Межвуз. сб. ст. — Куйбышев, 1986. — С. 139–140. Волков С. Г. Из практики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / С. Г. Волков // Вестник криминалистики. Вып. 1. — М., 2000. — С. 47.

³ Седова Т. А. Заключение и показания специалиста // Уголовный процесс России: Общая часть: учебник для студентов юрид. вузов и факультетов / Под ред. В. З. Лукашевича. — СПб: Питер, 2004. — С. 257.

⁴ Пункт 20 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

⁵ Земцова С. И. Использование результатов предварительного исследования в доказывании: проблемы и возможности / С. И. Земцова, В. В. Зырянов // Рос. следователь. — 2011. — № 24. — С. 5–7.

полнительных материалов, на него не возложены обязанности, установленные ч. 4 ст. 57 УПК РФ для эксперта. При этом получение заключения специалиста до возбуждения уголовного дела в ряде случаев влечёт те же последствия, что и получение справки о результатах предварительного исследования: объект исследования уничтожается полностью либо видоизменяются его свойства, и при производстве экспертизы эксперту придётся исследовать не сам объект, а заключение специалиста.

Вызывает вопросы и о производстве экспертизы в «разумный срок». Производство экспертиз до возбуждения уголовного дела, несомненно, увеличит нагрузку на экспертов, а соответственно, и сроки производства экспертиз. Представляется, что поскольку проверка по заявлению и сообщению о преступлении не может превышать 30 суток, то и срок производства экспертизы, в случае назначения её до возбуждения уголовного дела, не может превышать этот срок. Однако, с учётом того, что по ряду уголовных дел, особенно о причинении вреда здоровью, экспертиза редко когда может быть назначена в день поступления заявления или сообщения о преступлении, срок на производство экспертизы должен быть менее 30 дней, и этот конкретный срок необходимо определить с учётом нагрузки экспертов и закрепить нормативно.

С. А. Дилбандян отмечает, что «стадия возбуждения уголовного дела характеризуется ограниченным количеством следственных и процессуальных действий. Такое ограничение — гарантия защиты прав и законных интересов личности... Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела ставит под угрозу права и свободы тех лиц, которые в последующем могут быть признаны подозреваемыми, обвиняемыми по конкретному уголовному делу»¹.

Анализ приведённых точек зрения позволяет сделать вывод, что авторы, ссылаясь на ущемление процессуальных прав участников, не объясняют, в чём именно это ущемление заключается. А. Р. Белкин по этому поводу замечает: «Производством экспертизы до возбуждения уголовного дела не затрагиваются ничьи личные интересы: на этой стадии ещё нет подозреваемого, а потерпевший (который также ещё не получил своего процессуального статуса), как правило, даже заинтересован в проведении экспертизы. Не является препятствием к назначению экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела и то обстоятельство, что для производства экспертизы могут потребоваться образцы почерка, отпечатки пальцев и т. п., т. е. будут производиться действия, которые затрагивают права и интересы граждан. Получение образцов требуется только в тех случаях, когда необходимо решить вопрос о причастности определённого лица к событию преступления, но сам факт преступления сомнений не вызывает и когда, следовательно, уголовное дело уже должно быть возбуждено»². Исходя из формулировки ч. 1 ст. 202

¹ Дилбандян С. А. Проблемы обеспечения прав и законных интересов личности в юридическом процессе / С. А. Дилбандян // Административное и муниципальное право. — 2010. — № 10. — С. 13.

² Белкин А. Р. Теория доказывания: научно-метод. пособие. / А. Р. Белкин. — М.: Инфо-плюс, 1999. — С. 215.

УПК РФ, образцы для сравнительного исследования до возбуждения уголовного дела получают в том же порядке, что и после возбуждения уголовного дела, соответственно, получение образцов для сравнительного исследования у лиц, не имеющих процессуального статуса в том же порядке, что и у участников процесса, вряд ли может ущемить их права.

Исключения могут составлять лишь права подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего при назначении и производстве судебной экспертизы, закреплённые в ст. 198 УПК РФ. Собственный, достаточно длительный опыт работы авторов в качестве следователей, изучение следственной практики позволяют сделать вывод, что данные права указанными участниками процесса практически не реализуются. Большая часть экспертиз по уголовным делам проводится в государственных экспертных учреждениях, и следователь просто не имеет альтернативы в выборе экспертного учреждения. Конечно, можно ходатайствовать о производстве экспертизы в государственном экспертном учреждении другого субъекта РФ, но такое ходатайство должно быть мотивированным. Однако подобных обоснованных ходатайств в уголовных делах практически нет. Что же касается постановки дополнительных вопросов, то квалификация следователей, наличие большого количества доступных справочных пособий приводят к тому, что представленные сторонами вопросы являются лишь перефразировкой вопросов, сформулированных следователем. По отдельным уголовным делам встречалась ситуация, когда стороны ходатайствовали о постановке дополнительных вопросов, выходящих за рамки компетенции эксперта. Естественно, что в удовлетворении подобных ходатайств следователи чаще всего отказывают. Ходатайства о поручении производства экспертизы определённому эксперту обычно являются недостаточно обоснованными, кроме того, вызывают подозрение в наличии связи между участником процесса и предполагаемым экспертом. Не имея возможности проверить этот факт, следователи практически всегда выносят постановление об отказе в удовлетворении подобных ходатайств.

С другой стороны, нередко подозреваемый появляется в деле уже после того, как первоначальные экспертизы назначены и произведены. Конечно, и в этом случае следователь знакомит подозреваемого и с постановлением о назначении экспертизы, и с заключением эксперта. Но судебная практика свидетельствует, что в большинстве случаев подозреваемые, ознакомившись с названными процессуальными документами, никаких ходатайств по реализации предоставленных им ст. 197 УПК РФ прав не заявляют, в лучшем случае они реализуют их, ходатайствуя о назначении дополнительной либо повторной экспертизы.

Изложенное даёт основание для вывода о том, что изменения, касающиеся обязательного производства экспертизы после возбуждения уголовного дела при наличии ходатайства стороны защиты или потерпевшего, внесённые в ст. 144 УПК РФ подп. 1.2, не направлены на оптимизацию судебного производства и будут лишь создавать дополнительные проблемы при его осуществлении.

Таким образом, назначение и производство судебных экспертиз в ре-

альной действительности представляют собой достаточно сложный набор взаимодействий между разными участниками уголовного судопроизводства, относящимися к разным классификационным группам и реализующими в этих взаимодействиях соответствующие своему статусу права и обязанности. Значительная часть возникающих при этом правоотношений обозначена в законе самыми общими штрихами, другая часть не обозначена вовсе, что не исключает уголовно-процессуального качества соответствующих правовых связей, а, напротив, требует уяснения их действительного смысла применительно к разным стадиям процесса.

По действующему уголовно-процессуальному законодательству судебная экспертиза может быть назначена на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, судебного разбирательства (рассмотрения уголовного дела по существу судом первой инстанции) и апелляционного производства (пересмотра приговора суда первой инстанции, не вступившего в законную силу, по существу в апелляционном порядке). В значительной своей части участники процедур назначения и производства экспертиз повторяются в характерных для каждой стадии процесса вариантах — к ним относятся лица, в производстве которых находится уголовное дело, в силу чего они и уполномочены назначать судебные экспертизы по этому делу (следователь, дознаватель, суд), а также эксперты, которым поручается производство экспертиз. На этих участниках, как правило, и сосредоточивается внимание исследователей. Тем больший интерес представляют такие участники процесса, специфическая роль которых в рассматриваемых процедурах не столь подробно освещена в литературе.

В число лиц, уполномоченных на назначение экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, после изменений, внесённых в ч. 1 ст. 144 УПК РФ в марте 2013 г., попали лица, не имеющие в своём производстве уголовного дела, но проводящие проверку сообщения о преступлении, если они приняли решение о назначении судебной экспертизы. Эти лица впоследствии не обязательно примут возбуждённое уголовное дело к своему производству, да и само дело не обязательно будет возбуждено. Следовательно, принимая решение о назначении экспертизы, они не обязательно принимают на себя все возможные последствия этого решения. Между тем последствия такие есть — в виде ничем не обусловленной обязанности лица, принявшего далее уголовное дело к своему производству (следователя, дознавателя, суда — закон не уточняет), удовлетворить любое ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы, заявленное стороной защиты или потерпевшим после возбуждения уголовного дела (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ). При определении порядка назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела законодатель обозначает все три этапа этого процесса, в которых может участвовать следователь (или иное лицо, проводящее проверку) — собственно назначение экспертизы, участие в её производстве и получение заключения эксперта в разумный срок. Очевидно, что осуществление всего этого набора действий в рамках проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ — это скорее исключение, чем правило. Эти процедуры, начавшись до возбуждения уголовного дела, по значительной части экс-

пертиз, скорее всего, продолжатся за рамками этой стадии; и не исключено, что при ином составе участников, которые могут менять свой статус.

В связи со сказанным обозначается целая группа таких же «нетрадиционных» участников процедур назначения и производства судебной экспертизы — лица, не имеющие формально определённого процессуального статуса, интересы которых так или иначе затрагиваются производимыми процессуальными действиями или принимаемыми процессуальными решениями (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Этим лицам должны быть разъяснены права и обязанности, возникающие в связи с назначением и производством экспертизы, в том числе и право воспользоваться квалифицированной юридической помощью, и, судя по всему, все права, предусмотренные в гл. 27 УПК РФ для участников процессуальных действий, сопровождающих назначение и производство экспертизы. Им же должна быть обеспечена возможность реализации этих прав, в том числе — права заявлять ходатайства и отводы при назначении экспертизы, права присутствовать с разрешения следователя при производстве экспертизы и давать объяснения экспертам (ч. 1 ст. 198 УПК РФ).

Всё названное при обычном течении процесса формально не вызывает затруднений: процессуальный статус названных в законе лиц — свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и их защитников — обычно зафиксирован в документах и, как правило, бесспорен. Однако любому практикующему адвокату известно, чего стоит даже при обычном течении процесса добиться реализации прав фактического подозреваемого при назначении и производстве экспертизы, если его процессуальный статус не оформлен. Производство собственно экспертных исследований, как правило, невозможно сдвинуть во времени, поэтому реализация права на отвод эксперта, на постановку дополнительных вопросов или на выбор экспертного учреждения прямо зависит от своевременности определения реального процессуального статуса участника этих процедур и обеспечения его прав.

При назначении судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела поиск заинтересованных лиц возлагается на того, кто назначает экспертизу; а он, напомним, не обязательно совпадёт с тем, кто впоследствии примет уголовное дело к своему производству, а вместе с делом — и все правовые последствия любых процедурных ограничений. Среди таких последствий не только уже упомянутая обязанность удовлетворять ходатайства о назначении дополнительной или повторной экспертизы, независимо от их обоснованности, но и возможность признания заключения эксперта недопустимым доказательством, в том числе и в случаях, когда проведение повторного исследования по объективным причинам невозможно, в том числе и в случаях обязательного назначения экспертизы, когда без допустимого заключения эксперта обвинение не может считаться доказанным. В новейших научных исследованиях проблем обеспечения законности возбуждения уголовного дела «необоснованное ограничение или игнорирование прав личности при производстве следственных или иных процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении» не без оснований признаётся

одной из самых значимых проблем на этой стадии уголовного процесса¹.

Определение приемлемого варианта решения этой проблемы требует упоминания ещё одной процессуальной фигуры — руководителя экспертного учреждения, который является участником процедур назначения и производства судебных экспертиз по подавляющему большинству уголовных дел. Этот субъект уголовно-процессуальных правоотношений не назван среди участников уголовного судопроизводства (раздел II УПК РФ) вообще, но назван в ст. 199 УПК РФ как лицо, наделённое обязанностями, в уголовно-процессуальном качестве которых не приходится сомневаться. В связи с этой своеобразной двойственностью в литературе отношение к названному субъекту тоже весьма двойственное и своеобразное.

В новейших специальных исследованиях, посвящённых так называемым «иным участникам уголовного судопроизводства» (гл. 8 УПК РФ), руководитель экспертного учреждения упомянут вскользь, через запятую, в перечне других участников процесса, не названных в разделе II УПК РФ². Иногда руководителя экспертного учреждения называют в числе лиц, которые потенциально могут ограничивать независимость эксперта³. Авторами неизменно подчёркивается организационная и обеспечительная роль руководителя экспертного учреждения⁴ с неременным уточнением, что он «субъектом экспертного исследования не является и считаться таковым не может»⁵.

Последнее не вызывает сомнений, однако выше было замечено, что комплексное процессуальное действие под общим названием «назначение и производство экспертизы» складывается из многих составляющих, т. е. из многих действий, порождающих правовые последствия, характерные именно для этих действий. Ю. Г. Корухов применительно к ранее действовавшей ст. 187 УПК РСФСР правильно выделял в общей цепи юридически значимых действий по обеспечению прав и интересов личности при назначении и производстве экспертиз действия руководителя экспертного учреждения по разъяснению эксперту его прав и обязанностей и предупреждению об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения⁶.

Уголовно-процессуальный характер этого действия очевиден. Такая обязанность руководителя экспертного учреждения сохранена и в действующем

¹ Чубыкин А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / А. В. Чубыкин. — М.: ИНФО-Плюс, 2014. — С. 12.

² Латыпов В. С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: монография. / В. С. Латыпов. — М.: Норма, 2014. — С. 13.

³ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. / Т. В. Аверьянова. — М.: Инфо, 2006. — С. 190; Латыпов В. С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: Дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Латыпов. — Челябинск, 2013. — С. 102.

⁴ Зинин А. М. Указ. соч. С. 19.

⁵ Аверьянова Т. В. Указ. соч. С. 190.

⁶ Корухов Ю. Г. Охрана прав и интересов личности при назначении и производстве криминалистических экспертиз в уголовном процессе / Ю. Г. Корухов // Избр. науч. труды в 3-х т. Т. II. — М., 2013. — С. 173.

щей ст. 199 УПК РФ, хотя и с труднообъяснимой оговоркой, будто бы это действие не распространяется на государственные судебно-экспертные учреждения. На практике отметка о совершении этого действия фигурирует в любых заключениях экспертов, от кого бы они ни исходили. Это правильно, поскольку предупреждение об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ в отношении каждого конкретного заключения эксперта является обязательным условием применения этой уголовно-правовой нормы.

Главное в контексте настоящей статьи — это то, что от действий руководителя экспертного учреждения прямо зависит обеспечение реализации прав других участников процесса при назначении и производстве экспертиз, а значит — и обеспечение допустимости экспертного заключения.

Руководитель экспертного учреждения, получив от лица, назначившего экспертизу, постановление и прилагаемые материалы, поручает производство этой экспертизы конкретному эксперту, о чём уведомляет следователя (ч. 2 ст. 199 УПК РФ). За этим, на первый взгляд, сугубо организационным действием руководителя экспертного учреждения стоит обеспечение реализации права всех участников процедур на отвод эксперта, о личности которого до указанного момента не осведомлён даже сам следователь, который должен был предъявить постановление о назначении экспертизы всем заинтересованным лицам. В законе, заметим, даже не указано, как скоро руководитель экспертного учреждения должен уведомить следователя о назначенном им эксперте; в УПК РФ не сказано даже, должно ли это уведомление предшествовать собственно экспертным исследованиям.

Сказанное прямо касается реализации ещё одного права подозреваемого и обвиняемого при производстве экспертизы — присутствовать при производстве экспертизы и давать объяснения эксперту. Понятно, что присутствовать там и тогда, где и когда ты не знаешь, что надо присутствовать, — невозможно по определению. Значит, для обеспечения реализации прав участников процесса со стороны обвинения и защиты — в том числе, к слову, и права самого лица, назначившего экспертизу, «принимать участие в её производстве» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) или «присутствовать» при нём и «получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий» (ч. 1 ст. 197 УПК РФ) — руководитель экспертного учреждения обязан уведомить следователя не только о личности назначенного им эксперта, но ещё и о времени и месте проведения экспертного исследования. Последнее, в свою очередь, означает, что определение места, времени и состава участников экспертного исследования из организационного русла перемещается в процессуальное, становясь неотъемлемой частью обеспечения законности процедур назначения и производства экспертиз, а значит, допустимости их главного результата — заключения эксперта как доказательства по делу.

Таким образом, допущенные законодателем назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела влекут за собой не упрощение, а, скорее, наоборот — усложнение соответствующих процедур, повышение требований к обеспечению прав лиц, чьи права эти процедуры могут затронуть.

Назначая экспертизу до возбуждения уголовного дела, лицо, прини-

мающее решение об этом, обязано самостоятельно выявить заинтересованных лиц, обеспечить их ознакомление с соответствующими процессуальными документами и реализацию прав, предусмотренных для обычных случаев назначения и производства экспертизы.

Если заинтересованные лица будут выявлены после назначения экспертизы, но до получения заключения эксперта, лицо, наделённое процессуальными полномочиями по проведению проверки или по возбуждённому уголовному делу на этот момент, обязано принять все доступные на данный момент меры по своевременному ознакомлению с процессуальными документами, разъяснению соответствующих прав и обеспечению их реализации.

Руководитель экспертного учреждения, которому поручено производство судебной экспертизы, обязан немедленно после назначения конкретного эксперта уведомить лицо, проводящее проверку или предварительное расследование, о личности эксперта, о времени и месте производства экспертных исследований, как только они будут определены.

Глава 8. **ПРОИЗВОДСТВО ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ** **НЕТРАДИЦИОННЫХ ЭКСПЕРТИЗ**

В настоящее время в следственную и судебную практику активно внедряются современные, нетрадиционные виды экспертиз, одной из которых является **психолого-вокалографическая экспертиза** (судебно-психологическая экспертиза для установления обстоятельств совершённого преступления путем проведения психологического исследования видео материалов).

Целью данной экспертизы является установление фактов искажения показаний участниками уголовного судопроизводства, а также установления (опровержения) фактов оказания на подозреваемого (обвиняемого) психологического или физического давления со стороны правоохранительных органов и иных участников уголовного судопроизводства. Она проводится для полноты и всесторонности расследования по уголовному делу и (или) при активном отрицании подозреваемыми (обвиняемыми) своих первоначальных признательных показаний.

Рассматриваемая экспертиза основана на применении специальных знаний в области психологии. При её назначении в распоряжение эксперта предоставляются материалы уголовного дела, а именно протоколы допросов участников уголовного судопроизводства с применением видеозаписи, протоколы проверки показаний на месте с применением видеозаписи, а также материалы иных следственных действий, при производстве которых применялась видеофиксация.

Кроме того, при психолого-вокалографической экспертизе исследуется личность участника уголовного судопроизводства, в отношении которого проводится экспертиза. Эксперт, кроме изучения видеоматериалов следст-

венных действий, непосредственно общается с подэкспертным, чтобы установить его психологические особенности и особенности человеческой мимики, а также характерный для него психотип личности.

При назначении указанной экспертизы следователем перед экспертом ставится следующая группа *вопросов*:

1. Имеются ли признаки психологического или физического давления на участника уголовного судопроизводства в материалах видеозаписи следственного действия на представленных для экспертизы видеоматериалах (CD-диск, флеш-карта) и протоколах следственных действий?

2. Какова роль каждого из участников следственного действия, их поведение и намерения?

3. Даны ли показания в результате естественного припоминания подэкспертного?

4. Возможно ли установить источник естественного припоминания подэкспертного, если да, то как это можно обосновать?

5. В случае если показания подэкспертного даны в результате естественного припоминания, можно ли исключить возможность сознательного утаивания, искажения их в своих интересах, интересах других лиц или из иных побуждений?

6. Имеются ли признаки, свидетельствующие об самооговоре подэкспертного?

7. Имеются ли признаки, свидетельствующие об оговоре подэкспертным иных участников уголовного судопроизводства?

В процессе экспертизы используются методики, которые позволяют у подэкспертного провести анализ слов, выражений, предложений, используемых в ходе следственного действия. Производится сопоставление дикции, интонации голоса, пауз, мимики, жестов, поз подэкспертного на видеозаписи и при личном общении с подэкспертным.

В Иркутской области представителем данного направления экспертов является кандидат психологических наук, доцент Иркутского государственного университета Вадим Павлович Песков.

Несмотря на достаточную научную обоснованность методики проведения психолого-вокалографических экспертиз (судебно-психологических экспертиз для установления обстоятельств совершённого преступления путём проведения психологического исследования видеоматериалов), ряд учёных-процессуалистов и специалистов в области психологии и психиатрии не считают данную методику до конца научно обоснованной и придерживаются позиции, что данная экспертиза нарушает принцип свободы оценки доказательств.

В современной следственно-судебной практике хорошо зарекомендовала себя **психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа**, которая проводится при наличии существенных неустранимых противоречий в показаниях участников уголовного судопроизводства или противоречиями показаний и другими доказательствами по уголовному делу. Судебная практика выработала жёсткие требования, предъявляемые к такого рода

экспертизам, в соответствии с которыми они должны соответствовать требованиям ст. 8 ФЗ № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Использование методов, не обладающих такими качествами как научность, обоснованность, недопустимо.

Требования, предъявляемые к экспертам-полиграфологам, содержатся в следующих нормативно-правовых актах:

- Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа», утверждены Министерством образования Российской Федерации от 05.03.2004, регистрационный № ГТППК 34/36.

- Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов», утверждённые Министерством образования Российской Федерации 04.07.2001, № ГТППК 02/39.

В рамках психофизиологической экспертизы эксперт оценивает психофизиологические реакции подэкспертного, после чего выносит суждение об их объективной значимости, которая свидетельствует о наличии в памяти человека следов какого-либо значимого события или его отдельных составляющих.

В соответствии с требованиями ст. 204 УПК РФ к заключению эксперта-полиграфолога в обязательном порядке следует прилагать: графики физиологических реакций подэкспертного (полиграммы), видеозапись проведенной экспертизы. Заключение эксперта должно содержать методику проведения экспертизы и полученные реакции на вопросы. Психофизиологическая экспертиза ставит перед собой решение следующих задач:

1. Вынесение суждения о степени информированности подэкспертного о событии и его деталях;
2. Вынесение суждения об обстоятельствах получения подэкспертным информации о событии и его деталях.

При постановке вопросов для психофизиологической экспертизы не допускается постановка правовых вопросов, связанных с оценкой собранных в ходе предварительного или судебного следствия доказательств, разрешение которых относится к исключительной компетенции органов предварительного расследования, прокурора и суда.

При вынесении постановления о назначении психофизиологической экспертизы рекомендуется использовать следующую постановку *вопросов*:

1. Выявляются ли в ходе психофизиологической экспертизы с применением полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что гражданин Ф. И. О. — располагает информацией о деталях случившегося?
2. Вследствие отражения каких обстоятельств могла быть получена подэкспертным Ф. И. О. информация о случившемся?

3. Могла ли быть получена данная информация в момент исследуемого события ?

На наш взгляд, психофизиологическая экспертиза не нарушает конституционные права и охраняемые законом интересы граждан, т. к. проводится только с письменного согласия подэкспертного, которому разъясняется порядок производства экспертизы. Все задаваемые вопросы обсуждаются с подэкспертным, и он в любой момент вправе отказаться от дальнейшего проведения экспертизы.

Несмотря на широкое распространение психофизиологических экспертиз при производстве предварительного и судебного следствия применение результатов психофизиологической экспертизы на практике сталкивается с объективными и субъективными трудностями. Некоторыми судьями попросту игнорируются заключения психофизиологической экспертизы или не даётся оценка данного вида экспертизы, как доказательства. В основном доводы судей о недопустимости использования психофизиологической экспертизы связаны с тем, что, по их мнению, выводы данного вида экспертизы носят вероятностный характер и не несут достоверного, однозначного вывода.

В последние годы широкое распространение получают мультимедийные технологии, которые основаны на представлении данных в формате видеоизображения с применением анимации и звукового сопровождения. Видеофайлы в форматах мультимедиа и других носителях, в том числе, на компакт-дисках с аудио- и видеопродукцией, могут фигурировать в деле в качестве объектов, несущих доказательственную информацию о фактах, событиях, людях. Для непосредственного исследования цифровых видеозаписей и звуковых записей обычно назначается судебная видеофоноскопическая экспертиза.

Судебная видеофоноскопическая экспертиза проводится в целях установления личности говорящего, по признакам голоса и речи, записанной на видеофонограмме, выявления признаков стирания, копирования, монтажа и иных изменений, внесённых в видеофонограмму в процессе или после окончания звукозаписи, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звуко-, видеозаписи, а также иных фактов, имеющих значение судебных доказательств.

При назначении экспертизы (исследования) необходимо представлять:

- 1) оригиналы фонограмм;
- 2) тексты всех фонограмм;
- 3) указать условия звукозаписи и использованную аппаратуру (дата, время, тракт передачи, тип магнитофона и микрофона, характеристика помещения);
- 4) копии протокола осмотра и прослушивания фонограммы;
- 5) копии протокола допроса лиц, имеющих отношение к событию, зафиксированному на фонограмме;
- 6) установочные данные на подозреваемого (сведения о месте и дате рождения, национальности, родном языке, образовании, специальности, про-

фессии, месте наиболее длительного проживания, знании иностранных языков);

7) звукозаписывающее устройство, программное обеспечение, средства коммутации для цифровых устройств, руководство по эксплуатации звукозаписывающих устройств (при назначении технического исследования фонограммы).

Важно, чтобы речь подозреваемого лица соответствовала спорной фонограмме по тональности, выраженности соответствующих эмоций, темпу произнесения. Существенным фактором является отсутствие преднамеренных искажений.

Судебная видеофоноскопическая экспертиза разрешает задачи идентификационного и диагностического характера.

К вопросам диагностического характера следует отнести:

1. Сколько лиц участвовало в разговоре, записанном на представленной видеофонограмме?

2. Каково дословное содержание текста? Каково содержание неразборчивой записи на представленной видеофонограмме?

3. Является ли речь, представленная на видеофонограмме, или её фрагменты заученной, прочитанной или свободной?

4. Являются ли лицо, произносящее текст и автор фонограммы на данном носителе, одним или разными лицами?

5. Каковы источники и характер звуков, сопутствующих основной записи? Какова была окружающая обстановка в момент изготовления видеофонограммы (характер помещения, в котором происходила запись, запись на открытой местности и т. д.)?

6. Является ли представленная видеофонограмма оригиналом (копией), а если копией, то какой: первой, второй и др.?

7. Содержит ли видеофонограмма непрерывную запись или она осуществлялась с остановками? Имеются ли признаки нарушения непрерывности записи, стираний, дописок, монтажа на видеофонограмме?

8. Каков тип носителя, с использованием которого изготовлялась данная запись? Использовался ли для записи новый или ранее уже содержащий запись (какую) носитель?

9. Подвергалась ли представленная видеофонограмма монтажу, а если да, то какая её часть смонтирована?

10. Изготовлена ли представленная фонограмма на одном или нескольких звукозаписывающих аппаратах?

11. Каковы пол, возраст, анатомические особенности речеобразующего тракта, психофизиологические характеристики лица, речь которого представлена на фонограмме?

12. Каково эмоциональное состояние лица в период записи?

Идентификационные задачи направлены на выявление установления тождества или общности определённых материальных объектов. Основная диагностическая задача — определение является ли объект на записи идентичным живому (реальному) объекту (человек, голос, другой звуковой источ-

ник, видеозапись).

К вопросам идентификационного характера относятся:

1. Принадлежит ли зафиксированная на видеофонограмме устная речь определённому лицу, лицам? Какие фрагменты звукозаписи, каким лицам принадлежат?

2. Изготовлена ли данная видеофонограмма на представленном записывающем устройстве? Воспроизводилась ли ранее данная видеофонограмма на таком-то устройстве?

3. Является ли данная видеофонограмма копией, изготовленной путём записи с лазерного диска?

4. Являются ли фрагменты фонограммы частями одной первичной фонограммы или они были записаны в различное время и в разных обстоятельствах, т. е. фрагментами из различных фонограмм?

5. Является ли видеофонограмма № 1 полностью или частично копией видеофонограммы № 2?

6. Являются ли данные видеофонограммы № 1 и № 2 дубликатами, изготовленными путём копирования с одной и той же видеофонограммы № 3¹?

Видеотехническая экспертиза проводится в целях идентификации видеоаппаратуры, а также проверки экспертным путем подлинности и достоверности видеограмм, приобщаемых к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, полученных как в ходе оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, так и иным путём. При этом устанавливаются конкретные видеоаппараты, на которых изготовлялась видеограмма, факты монтажа, копирования, стирания, прерывания видеограммы.

Производство технических исследований видеограмм организовано в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России.

Вопросы, решаемые видеотехнической экспертизой:

1. В каком формате, системе цветного телевидения (ЦТВ), режиме записи выполнена видеограмма на представленной видеокассете?

2. Имеются ли признаки механического монтажа представленной видеозаписи?

3. Имеются ли признаки прерывания представленной видеограммы?

4. Оригиналом или копией является представленная видеограмма?

5. Каков порядковый номер копии представленной видеограммы?

6. Имеются ли признаки электронного монтажа представленной видеограммы?

7. Имеются ли признаки стирания части представленной видеограммы?

8. Все ли фрагменты, представленной видеограммы, выполнены одним и тем же видеозаписывающим аппаратом?

9. Имеются ли признаки несоответствия видеограммы на видеокассете № 1 и видеограммы на видеокассете № 2 по продолжительности записи,

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. — М., 2006. — С. 392.

качеству изображения, ракурсу съемки, порядковому номеру копии и т. д.?

10. На каком из представленных на исследование видеоаппаратов производилась видеозапись на данную видеокассету?

11. Каковы размеры объектов внутри кадра?

При назначении видеотехнической экспертизы следует иметь в виду, что понятие «оригинал» может быть применено только к тем видеограммам, которые получены при непосредственной записи через объектив видеокамеры какого-либо события.

Производятся работы по улучшению исходных видеоизображений в целях их дальнейшего использования в различных идентификационных экспертизах.

При этом используется следующая аппаратура:

- компьютерный комплекс обработки видеоизображения;
- прецизионная измерительная техника для исследования видеосигнала.

Глава 9.

ОБЗОР СЛЕДСТВЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗ, А ТАКЖЕ ПРИВЛЕЧЕНИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В ходе обобщения следственной и судебной практики используя материалы правоприменительной практики Верховного суда РФ, верховных судов республик, краевых, областных судов и равных им судов проведен анализ законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по уголовным делам. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Одним из источников сведений о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие в действиях лиц состава преступления, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела, являются заключения экспертов. Знание специалиста и эксперта используются при рассмотрении большинства уголовных дел, т. к. без специальных знаний установить факт, имеющий значение для разрешения дела, и (или) если это связано с отсутствием иных доказательств, с достоверностью подтверждающих или опровергающих виновность лица.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 195 УПК РФ, судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. Экспертиза может проводиться как в государственном судебно-экспертном учреждении,

так и в негосударственной экспертной организации либо конкретным экспертом или экспертами. Проведение большинства экспертиз следственными органами и судами поручается государственным судебно-экспертным учреждениям (73 %). В основном государственными экспертными учреждениями проводились следующие виды экспертиз по уголовным делам: судебно-медицинские; криминалистические; трасологические; психолого-психиатрические; геноскопические; пожарно-технические. Негосударственными экспертными учреждениями, коммерческими и некоммерческими организациями, отдельными экспертами, обладающими специальными познаниями, проведение экспертиз поручалось лишь 27 %, из числа изученных дел.

Анализ судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и производство экспертизы по уголовным делам, показал, что экспертизы по уголовным делам назначались и проводились в ходе предварительного расследования, и лишь в некоторых случаях в ходе судебного следствия. Органами, осуществляющими предварительное расследование, и судами в целом соблюдался порядок назначения судебных экспертиз, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством. В частности, постановления следственных органов и определения судов о назначении экспертизы в основном соответствовали требованиям ст. 195, 283 УПК РФ. Вместе с тем были выявлены факты, когда в постановлениях следственных органов или в определениях суда о назначении экспертизы не были указаны сведения, перечисленные в ст. 195, 283 УПК РФ. В некоторых постановлениях следственных органов и определениях суда не были указаны: дата назначения экспертизы; наименование экспертизы; основания назначения судебной экспертизы; фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертом; материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

Так, по делу о невыплате заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат ООО «Трио и К» гражданину «Иванову», по ходатайству потерпевшего Индустриальным районным судом г. Барнаула была назначена судебная экспертиза «По определению рыночной стоимости недвижимого имущества», проведение которой поручено Алтайскому краевому государственному унитарному предприятию. При этом определение о назначении такой экспертизы и материалы для её проведения возвращены в суд без исполнения в целях уточнения названия экспертизы, что привело к затягиванию сроков разрешения дела по существу.

Кроме того, протоколы, которые составлялись в ходе судебных заседаний, не отвечали требованиям, установленным ст. 259 УПК РФ. В ряде протоколов, в частности, не были указаны: лицо, которым заявлено ходатайство о назначении экспертизы; содержание устного ходатайства о назначении экспертизы; сведения о разъяснении участвующим в деле лицам прав, предусмотренных ст. 283 УПК РФ, данные о представлении участвующими в деле

лицами вопросов, отклонении судом вопросов, обсуждении выбора экспертного учреждения или эксперта, о заявлении отвода эксперту. В отдельных случаях в нарушение ст. 259 УПК РФ суды не составляли протокол судебного заседания при совершении указанных процессуальных действий.

Так, определением Кольчугинского городского суда Владимирской области по делу о совершении действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего Г. в государственном стационарном учреждении «Кольчугинский детский дом-интернат для умственно отсталых детей» была назначена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза, проведение которой поручалось экспертам Владимирской областной психиатрической больницы. Однако при назначении данной экспертизы не было взято во внимание ходатайство прокурора о назначении данной экспертизы в другом экспертном учреждении, в связи с тем, что эксперты данной больницы непосредственно осуществляли наблюдение за данными воспитанниками и являлись заинтересованными лицами в сокрытии фактов, которые легли в основу обвинения сотрудника государственного стационарного учреждения «Кольчугинский детский дом-интернат для умственно отсталых детей», что в дальнейшем послужило основанием для отмены приговора при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции и признании данной экспертизы недопустимым доказательством.

Проведённый анализ показал, что возникающие у некоторых судов сложности с определением вида экспертизы, необходимой для разрешения поставленных ими вопросов, зачастую вызваны недостаточной осведомлённостью судей о классификации экспертиз.

Так, Боровской районный суд Калужской области, рассматривая дело по ст. 238 УК РФ («Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»), поручил Калужской лаборатории судебных экспертиз Министерства юстиции РФ (далее — КЛЭСЭ МЮ РФ) провести строительно-техническую экспертизу, на разрешение которой были поставлены вопросы, касающиеся возможности ведения подсудимым личного подсобного хозяйства на принадлежащем ему земельном участке с учётом использования смежного земельного участка под стоянку и ремонт грузового автотранспорта, а также для складирования нефтесодержащих отходов. Руководителем КЛЭСЭ МЮ РФ определение о назначении данной экспертизы было возвращено в суд без исполнения в связи с тем, что поставленные вопросы не входят в компетенцию строительно-технической экспертизы и в данном экспертном учреждении отсутствуют эксперты, обладающие необходимыми знаниями. Одновременно суду сообщалось, что такие экспертные исследования могут быть выполнены специалистами ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии Калужской области». Несмотря на это, суд вновь пришёл к выводу о необходимости назначения именно строительно-технической экспертизы и поручил её проведение эксперту, имеющему специальность инженера-

строителя. Однако, проведя назначенную судом экспертизу, данный эксперт также не смог дать конкретные ответы на интересующие суд вопросы, сославшись на то, что они находятся в компетенции органов, осуществляющих санитарно-эпидемиологический надзор. Принятое районным судом решение по делу было отменено при рассмотрении судом апелляционной инстанции.

Комплексные экспертизы назначались органами, осуществляющими предварительное расследование и судами в тех случаях, когда установление обстоятельств по делу требовало одновременного проведения исследований в разных областях знаний, а также использования различных научных направлений в пределах одной области знаний (ст. 201 УПК РФ, ст. 23 ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). К числу наиболее часто назначаемых комплексных экспертиз относятся: амбулаторная (стационарная) психолого-психиатрическая, строительно-техническая, судебно-медицинская, автотехническая, психофизиологическая, судебно-техническая, пожарно-автотехническая, транспортно-трассологическая и др.

Однако органами, осуществляющими предварительное расследование, и судами в постановлениях и определениях о назначении экспертизы не всегда указывался вид комплексной экспертизы, сведения о том, какими специальными знаниями должны обладать эксперты, а также основания назначения комплексной экспертизы. Основаниями для назначения комплексной экспертизы, как правило, являлись сложность в установлении обстоятельств и необходимость получения полных и объективных ответов на поставленные вопросы.

По сведениям, поступившим из судов, судебно-психиатрические и судебно-медицинские экспертизы в большинстве случаев являлись комиссионными. Судебно-медицинские и психолого-психиатрические экспертизы, при проведении которых привлекались врачи разных специальностей, ошибочно назывались комплексными. Между тем такие экспертизы следует относить к комиссионным в силу требований ст. 200 УПК РФ, поскольку в подобных случаях требуется одновременное проведение исследований с использованием различных научных направлений в пределах одной области знания.

Если комиссия экспертов не пришла к единому выводу, то эксперт, не согласившийся с выводами остальных экспертов, вправе не подписывать заключение комиссионной экспертизы и обязан приобщить отдельное заключение эксперта с изложением своих выводов. Такие заключения должны оцениваться судами по правилам, предусмотренным в ст. 88 УПК РФ, в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами.

Например, в заключении комиссии экспертов Алтайской краевой клинической психиатрической больницы им. Ю. К. Эрдмана содержался вывод о том, что выявленное у Р. психическое расстройство не сопровождается значимыми нарушениями мнестических, интеллектуальных функций и критических способностей и в момент инкриминируемого деяния по психическому

состоянию испытуемый не был лишён способности понимать значение своих действий и руководить ими. Данное заключение не было подписано членом комиссии экспертом-психологом первой категории, который в своём заключении выразил иное мнение о том, что с учётом низкого интеллектуального уровня, индивидуально-психологических особенностей и имеющегося психического расстройства испытуемый Р. в момент инкриминируемого деяния не в полной мере мог руководить своими действиями и понимать их значение. Вместе с тем в нарушение Пленума Верховного суда РФ, в соответствии с которым, если экспертиза поручена нескольким экспертам, давшим отдельные заключения, то мотивы согласия или несогласия с ними должны быть приведены в судебном решении отдельно по каждому заключению, что не было сделано в приговоре Октябрьского районного суда г. Барнаула взявшим за основу заключение комиссии экспертов Алтайской краевой клинической психиатрической больницы им. Ю. К. Эрдмана и оставившего без внимания особое мнение эксперта вышеназванного экспертного учреждения, не упомянув о нём в приговоре. Указанное нарушение повлекло отмену приговора при рассмотрении судом апелляционной инстанции.

Дополнительная экспертиза (ст. 207 УПК РФ, ст. 20 ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), как правило, назначалась при неполноте заключения (когда не все объекты были представлены для исследования, непоставленные вопросы получили разрешение); при неточностях в заключении и невозможности устранить их путём допроса эксперта в ходе предварительного расследования или судебного заседания; при необходимости поставить перед экспертом новые вопросы (например, в случае неверного установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, или при уточнении таких обстоятельств). В постановлениях и определениях о назначении дополнительной экспертизы не всегда указывалось, что именно в заключении эксперта является неполным или недостаточно ясным. Необходимо отметить и то, что нередко назначение дополнительной экспертизы в целях устранения неполноты или недостаточной ясности первичного заключения было не оправданным и нецелесообразным, поскольку такие недостатки могли быть устранены путём допроса эксперта по вопросам, связанным с проведённой экспертизой и данным им заключением. Что не привело бы к необоснованному затягиванию сроков предварительного расследования и (или) судебного разбирательства.

Повторная экспертиза (ст. 207 УПК РФ, ст. 20 ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), в основном назначалась в связи с сомнениями суда в объективности и обоснованности экспертного заключения, например когда имелись противоречия в заключении эксперта и в пояснениях этого же эксперта в судебном заседании; когда экспертом не учитывались отдельные обстоятельства или был нарушен порядок проведения экс-

пертизы, в частности, экспертом не осуществлялся личный осмотр объекта исследования.

В определениях о назначении повторной экспертизы не всегда указывалось, какие именно выводы первичной экспертизы вызывают у суда сомнения. Некоторые суды при недостаточной ясности заключения, а также при отсутствии в экспертном заключении ответов на ряд вопросов, указаний на применённые методики и оборудование назначали повторную экспертизу вместо дополнительной. Неправильное определение вида экспертизы (повторная или дополнительная) ведёт к неверному разрешению вопроса о том, возможно ли поручение этой экспертизы тому же эксперту. За рассматриваемый период судами неоднократно назначались экспертизы по заявлениям о фальсификации имеющихся в уголовном деле доказательств. По делам, касающимся экономических преступлений, чаще, чем по другим категориям дел, сторона защиты ссылалась на подложность доказательств или возражала против принадлежности им подписей на документах, которые сторона обвинения представляла в обоснование своих доводов. В таких ситуациях судами назначались следующие виды экспертиз: почерковедческая экспертиза (в целях выяснения вопроса о принадлежности подписи в доверенности, договоре, ином документе); судебно-техническая (в целях выяснения способа подписания договора, доверенности, единства текста документа, давности изготовления документа); комплексная судебно-техническая и почерковедческая (по вопросам подлинности договора, доверенности, принадлежности подписи, давности изготовления документа).

Например, Октябрьским районным судом г. Санкт-Петербурга было удовлетворено заявленное подсудимой А. ходатайство о назначении экспертизы документов, в котором была поставлена под сомнение подлинность представленной стороной обвинения долговой расписки с подписью от имени А. После получения экспертного заключения с выводом о том, что подпись на расписке выполнена не А., а другим лицом с подражанием подписи А., сторона обвинения отказалась от обвинения в части мошеннических действий А. по присвоению денежных средств, после чего суд прекратил производство по указанному эпизоду дела.

Изучение судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по уголовным делам, показало, что органами предварительного расследования и судами в основном соблюдалось требование о разъяснении сторонам по делу и другим участвующим в деле лицам их права представить органам, осуществляющим предварительное расследование и суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертиз (ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Данное положение содержится и в ст. 283 УПК РФ, предусматривающей производство судебной экспертизы в суде. Вместе с тем, принятие предложенных сторонами вопросов является правом, а не обязанностью органов предварительного расследования и суда. Однако отклонение предложенных вопросов органы предварительного рас-

следования и суд обязаны мотивировать.

Так, по уголовному делу, рассматриваемому по ст. 145.1 УК РФ по невыплате заработной платы гражданину М., индивидуальным предпринимателем А., исследуя трудовой договор, Железнодорожный районный суд г. Екатеринбурга в определении о назначении почерковедческой экспертизы отклонил вопросы, предложенные стороной защиты относительно установления абсолютной давности выполнения документов, поскольку сторона обвинения возражала против частичного уничтожения документов, возможного при установлении абсолютной давности их выполнения.

В случаях, когда в нарушении ч. 3 ст. 195 УПК РФ органы предварительного расследования несвоевременно знакомили подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего и их представителей с постановлением о назначении судебной экспертизы и они были лишены возможности поставить свои вопросы перед экспертом в ходе предварительного расследования, и в ходе судебного следствия стороны представляли свои вопросы, суд, оценив их необходимость для установления наличия или отсутствия тех обстоятельств, для выяснения которых была назначена экспертиза, вынужден был выносить определение о назначении дополнительной экспертизы с учётом поступивших от сторон вопросов, что существенно увеличивало срок рассмотрения уголовных дел.

По отдельным уголовным делам судами не определялся окончательный круг вопросов. Например, некоторыми судами Ямало-Ненецкого автономного округа перед экспертом ставились сначала определённые судом вопросы, а потом вопросы сторон, частично повторяющие вопросы суда.

В ходе изучения судебной практики выявлены отдельные случаи, когда на разрешение экспертом (экспертами) ставились вопросы правового характера, рассмотрение которых относится к компетенции суда. При этом не учитывались разъяснения Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 2009 г. (ред. от 03.03.2015) № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству», согласно которым недопустима постановка перед экспертами вопросов правового характера. Подобные ошибки допускаются судами преимущественно при назначении экспертизы по делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, регламентированных ст. 264 УК РФ.

Например, по делу о причинении тяжкого вреда здоровью гражданину М., в результате дорожно-транспортного происшествия, Артёмовским городским судом Приморского края в определении о назначении по делу судебной автотехнической экспертизы поставлены следующие вопросы: «Соответствовали ли действия подсудимого А. и потерпевшего М. перед столкновением автотранспортных средств Правилам дорожного движения РФ и если не соответствовали, то какие пункты Правил дорожного движения РФ ими были нарушены?». Нередко вопросы правового характера содержатся

и в определениях о назначении судебно-психиатрических экспертиз, в которых суды ставят на разрешение экспертов вопрос: «Нуждается ли данный гражданин в установлении опеки?»).

Из анализа судебной практики видно, что при ошибочном выборе экспертного учреждения либо эксперта, в компетенцию и возможности которого не входит проведение назначенной судом экспертизы, определения о её назначении возвращались в суды без исполнения. Поручая проведение экспертизы государственному судебно-экспертному учреждению, не все суды учитывали территориальный принцип проведения судебных экспертиз в государственном судебно-экспертном учреждении, который предусмотрен ст. 11 Федерального закона от 31 мая 2001 г. (ред. от 08.03.2015) № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами.

Так, определение Ленинского районного суда г. Владимира о назначении повторной судебно-почерковедческой экспертизы по делу о мошеннических действиях гражданина М. с материнским капиталом, уголовное дело после назначения судебной экспертизы возвращено без исполнения из Приволжского регионального центра судебной экспертизы Минюста России. В письме руководителя этого центра сообщалось, что проведение повторной судебно-почерковедческой экспертизы по поставленным в определении вопросам в данном экспертном учреждении невозможно, поскольку территориальной сферой экспертного обслуживания центра, установленной приказом Минюста России от 19 мая 2006 г. № 200, является г. Нижний Новгород и Нижегородская область. В письме также указывалось, что в центре проводятся повторные экспертизы, ранее исполненные экспертами лабораторий судебной экспертизы Пензенской области и Республики Мордовия.

В некоторых случаях судами не выяснялась возможность конкретного экспертного учреждения провести необходимый вид экспертизы. Например, определение Судогодского районного суда Владимирской области о проведении землеустроительной экспертизы при рассмотрении уголовного дела по ст. 246 УК РФ — нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, Владимирской лабораторией судебной экспертизы Минюста России возвращено без исполнения. Причиной отказа в проведении экспертизы послужило то обстоятельство, что в соответствии с Перечнем родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, утверждённым приказом Минюста России от 14 мая 2003 г. № 114 (ред. от 12.03.2007), землеустроительная экспертиза в судебно-экспертных учреждениях Минюста России не проводится.

Аналогичная ситуация имела место в Ленинском районном суде г. Краснодара, который поручил производство стационарной комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы ГУЗ «Наркологический диспансер», в компетенцию которого не входило проведение данного вида экспертизы.

Не всегда судами выяснялась возможность экспертного учреждения или эксперта провести экспертизу в отношении конкретного объекта исследования, в частности наличие соответствующей материально-технической базы или условий для проведения экспертизы.

Так, определением Трусковского районного суда г. Астрахани была назначена комплексная товароведческая судебная экспертиза, однако определение возвращено без исполнения в связи с тем, что в экспертном учреждении отсутствовала материально-техническая база для проведения полного и всестороннего исследования. При этом суду сообщалось, что на территории Астраханской области отсутствует контрольно-диагностическое оборудование по исследуемому товару.

Представляется, что в целях проведения экспертизы в наиболее краткие сроки органам, осуществляющим предварительное расследование, и судам при её назначении целесообразно запрашивать указанные выше сведения у руководителя экспертного учреждения, в котором предполагается её производство.

Проведение экспертизы может быть поручено судебному-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам. Лица, участвующие в деле, вправе предложить конкретные кандидатуры специалистов или экспертные учреждения, а также заявить отвод эксперту. В практике имелись случаи заявления отвода конкретному эксперту. В большинстве случаев суды отказывали в удовлетворении данных ходатайств в связи с их немотивированностью, однако были случаи удовлетворения данных ходатайств по следующим основаниям: компетентность предложенного эксперта не была подтверждена документально; эксперт ранее принимал участие в деле в ином качестве, у эксперта имеется личная заинтересованность в деле.

Так, Рыбинским городским судом Ярославской области по уголовному делу, рассматриваемому по ст. 264 УК РФ — нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств — гражданином Б. по ходатайству стороны защиты была назначена дополнительная автотехническая экспертиза. Сторона защиты просила поручить проведение экспертизы эксперту Е. (ООО «Автотехника»). Потерпевший против назначения дополнительной экспертизы не возражал, однако заявил отвод эксперту и другим специалистам г. Рыбинска, ставя под сомнение их объективность и ссылаясь на то, что подсудимый и эксперт Е. являются бывшими сотрудниками Управления ГИБДД УВД г. Рыбинска. Суд указанные доводы принял во внимание и поручил производство экспертизы ГУ «Ярославская лаборатория судебной экспертизы».

В ходе проведённого обобщения выявлены отдельные случаи нарушения требований гл. 27 УПК РФ, когда копии определения о назначении экспертизы, не высылались лицам, участвующим в деле и не явившимся в судебное заседание, либо высылались, но позднее трёх дней со дня вынесения определения.

Кроме того, в судебной практике имелись отдельные случаи, когда определения суда, которые могли быть обжалованы в апелляционном и кассационном порядке, вместе с материалами дел направлялись в экспертные учреждения. В таких ситуациях судам апелляционной и кассационной инстанции приходилось запрашивать дела из экспертных учреждений обратно.

Некоторыми судами, наоборот, допускалась задержка направления определений и материалов в экспертные учреждения. Наиболее распространённой причиной задержки явилась несвоевременная сдача дел в канцелярию, в частности в связи с необходимостью оформления протоколов судебного заседания по большому количеству дел или в связи с оформлением нескольких дел для направления их одной почтовой бандеролью в экспертное учреждение, расположенное в другом населённом пункте.

Выявленные в результате проведённого обобщения нарушения требований действующего законодательства, регулирующих производство судебной экспертизы, являются причиной затягивания сроков проведения экспертизы и нахождения дела в производстве суда и требуют скорейшего устранения.

Обобщение судебной практики показало, что участвующие в деле лица подавали жалобы на определения о назначении экспертизы, ссылаясь на заинтересованность суда или одной из сторон в выборе экспертного учреждения, на немотивированное отклонение судом предложенных вопросов, на недостаточный объём материалов для эксперта, на необоснованность назначения экспертизы.

По-разному складывается судебная практика по вопросу о том, в какой части определение о назначении экспертизы может быть обжаловано в апелляционном или кассационном порядке.

Некоторые суды апелляционной и кассационной инстанции полагают, что обжалование возможно лишь в части жалобы на определение суда о назначении экспертизы, в которых указывалось на необоснованность назначения по делу экспертизы. При этом суды исходили из того, что вопрос о наличии оснований для назначения экспертизы не взаимосвязан с вопросом о вынесении итогового решения по делу и не может быть обжалован вместе с вынесением итогового решения по уголовному делу.

Так, определением Суздальского районного суда Владимирской области по делу о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств гражданином А. назначена повторная автотехническая экспертиза. Стороной защиты была подана жалоба на определение суда, в которой он просил отменить судебное определение ввиду нарушения норм процессуального права. Отменяя определение суда, судебная коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда указала, что в нарушение требований ст. 283 УПК РФ обжалуемое определение не содержит вывода о необходимости проведения по делу повторной экспертизы. Суд, назначая повторную автотехническую экспертизу, не привёл мотивов, по которым он

не согласился с заключением ранее проведённой экспертизы и оснований, по которым невозможно устранить имеющиеся противоречия в судебном разбирательстве путём допроса эксперта.

Согласно полученным из судов данным сроки проведения экспертиз составляли от нескольких месяцев до одного года, что также негативно влияло на реализацию прав граждан на разумные сроки уголовного судопроизводства.

Так, определением судьи Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 25 ноября 2013 г. по уголовному делу о половом сношении и иных действиях сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, рассматриваемому по ст. 134 УК РФ, потерпевшей В. была назначена психолого-педагогическая экспертиза. Заключение эксперта поступило в суд лишь 11 июля 2014 г., т. е. фактически по истечении полугода с момента назначения экспертизы.

Наиболее долго проводятся стационарные комплексные психолого-психиатрические экспертизы, генетические, строительно-технические, землеустроительные, судебно-бухгалтерские и почерковедческие экспертизы.

Например, определением Черемховского городского суда Иркутской области от 2 июля 2012 г. экспертам ГУ «Иркутская лаборатория судебной экспертизы» было поручено проведение строительно-технической экспертизы. Руководителем экспертного учреждения в письме от 24 августа 2009 г. было сообщено, что данная экспертиза будет проведена не ранее декабря 2012 г., т. е. фактически через полгода после даты вынесения судом определения о назначении экспертизы.

Подводя итоги среди основных ошибок, допускаемых судами и оказывающими негативное влияние на сроки проведения судебных экспертиз, являются: неправильное определение вида экспертизы, неправильное и некорректное формулирование вопросов, подлежащих разрешению при проведении экспертизы, поручение проведения экспертизы учреждению (эксперту), в чью компетенцию не входит проведение экспертного исследования, либо направление эксперту недостаточного материала для ответа на поставленные вопросы, несвоевременное направление экспертам и в экспертные учреждения определений и материалов, необоснованное и преждевременное назначение экспертизы по делу.

В результате проведённого обобщения можно констатировать, что затягивание времени проведения экспертиз по уголовным делам происходит также по вине экспертов и экспертных учреждений. Со стороны экспертов и экспертных учреждений главными причинами чрезмерной продолжительности проведения судебных экспертиз являются: необоснованное возвращение определений без исполнения, несвоевременное сообщение суду о невозможности проведения экспертизы, длительные сроки проведения ряда экспертиз в государственных экспертных учреждениях, некачественное проведение экспертиз, отказ от проведения экспертизы без предварительной

оплаты.

В ряде регионов России в целях предупреждения длительного срока проведения экспертиз и задержки направления в суд заключений судьями и председателями соответствующих судов осуществляется контроль за деятельностью экспертов путём направления в учреждения писем и телефонограмм. Эту практику следует признать правильной. Однако имеют место случаи, когда после вынесения определения о назначении экспертизы суды не следят за соблюдением экспертами сроков проведения экспертизы, указанных в определении.

Между тем затягивание сроков проведения экспертиз нередко препятствует соблюдению разумных сроков рассмотрения уголовных дел. Соответствующая обязанность по обеспечению контроля за соблюдением сроков производства судебных экспертиз возложена и на руководителя государственного судебно-экспертного учреждения (абз. 5 ст. 14 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 08.03.2015)).

По информации, поступившей из судов, меры ответственности, в отношении руководителей экспертных учреждений и экспертов, виновных в нарушении сроков, устанавливаемых в определениях о назначении экспертизы, в случае невыполнения требования суда, назначившего экспертизу, о направлении заключения эксперта в установленный срок применялись судами крайне редко. При этом учитывалось, что основанием для вынесения частного определения суда является отсутствие мотивированного сообщения эксперта или судебно-экспертного учреждения о невозможности своевременного проведения экспертизы либо о невозможности проведения экспертизы.

Европейский суд по правам человека, рассматривая вопрос о соблюдении разумного срока судебного разбирательства, по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, неоднократно отмечал, что основная ответственность за задержку судебного разбирательства в связи с проведением экспертизы лежит на государстве, поскольку в обязанности национальных судов входит обеспечение того, чтобы экспертам была предоставлена вся необходимая информация, а также чтобы осуществлялся контроль за соблюдением сроков проведения экспертизы.

Как необоснованные задержки судебных разбирательств Европейский суд расценивал периоды, связанные с несвоевременным назначением экспертиз и выбором экспертных организаций или учреждений, чрезмерной продолжительностью проведения экспертиз, отсутствием каких-либо строгих сроков их проведения и соответствующего контроля суда, несвоевременным представлением экспертам необходимых материалов и документов для сравнительного исследования и пр. С учётом приведённых обстоятельств Европейским судом констатировалось нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с чрезмерной длительностью судебного разбиратель-

ства (постановления Европейского суда по делам «Марченко против Российской Федерации», «Саламатина против Российской Федерации», «Волович против Российской Федерации», «Глазков против Российской Федерации», «Кесьян против Российской Федерации» и др.).

Обобщение судебной практики показало, что суды не в полной мере соблюдают требования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующего назначение и производство экспертизы.

При этом из анализа судебной практики видно, что сроки рассмотрения уголовных дел в значительной степени зависят от своевременного и качественного проведения экспертиз, обязательных в силу требований закона для правильного разрешения спора.

Обозначенные в данном обзоре проблемы, возникающие у судов при назначении экспертиз, могут быть устранены при условии строгого выполнения судьями требований процессуального законодательства в части, касающейся определения обстоятельств, имеющих значение для дела, назначения и проведения экспертиз, соблюдения сроков рассмотрения уголовных дел, а также повышения уровня организации деятельности судов и профессиональной квалификации судей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эффективная борьба с преступностью в наши дни немыслима без использования самых современных достижений различных областей научных знаний и передовой технической мысли. Проводниками этих достижений в судопроизводство всегда были эксперты: криминалисты, химики, физики, биологи, экономисты и представители других экспертных специальностей. Именно их знания помогают оперативному работнику полиции, следователю, судье установить истину по уголовным делам, уличить виновного, оправдать невиновного.

Возрастающее значение современной науки и техники в решении задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений находит своё отражение в дальнейшем развитии и укреплении экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, улучшении их инструментально-методической базы, расширении возможностей экспертизы, освоении производства новых её видов. Вместе с тем возможности экспертных подразделений МВД РФ используются ещё недостаточно эффективно. Объясняется это отчасти тем, что следователи при назначении экспертиз, формулировании вопросов нередко испытывают затруднения из-за отсутствия информации о видах заполняемых в органах внутренних дел экспертиз и их возможностях.

В условиях реформирования российского процессуального права при производстве экспертизы процессуальный статус эксперта определяется как совокупностью его прав и обязанностей, так и законодательно установленным порядком их реализации.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Законы, нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция РФ: от 12 дек. 1993 года (с учётом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ; 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Рос. газета. — 25.12.1993. — № 237; Рос. газ. — 21.01.2009 — № 7.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. — № 174-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // Рос. газ. — 2001. — 22 дек. — № 249.
3. Уголовный Кодекс РФ: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 07.02.2017) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2981.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. 06.07.2016) // Рос. газ. — 1995. — 18 авг. — № 160.
5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. 08.03.2015) // СЗ РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.
6. Приказ МВД РФ «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД РФ» [Электронный ресурс]: от 29.06. 2005 № 511 (в ред. приказа МВД России от 15.10.2012 № 939) // СПС Гарант
7. Приказ МВД РФ «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России» [Электронный ресурс]: от 09.01. 2013. № 2 // СПС Гарант.

Монографии, учебники, учебные пособия

8. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова — М.: Норма, 2006. — 217 с.
9. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: Общая часть и досудебные стадии (курс лекций) / Б. Т. Безлепкин. — М.: Международный Университет бизнеса и управления, 2014. — 320 с.
10. Власова Н. А. Досудебное производство в уголовном процессе: пособие / Н. А. Власова. — М.: ЮРМИС, 2014. — 144 с.
11. Григорьев В. Н. Использование фактических данных, полученных до возбуждения уголовного дела, в системе доказательств / В. Н. Григорьев // Проблемы доказывания по уголовным делам. — Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1988. — С. 85–91.

12. Зинин А. М. Введение в судебную экспертизу / А. М. Зинин, Г. Г. Омелянюк, А. В. Пахомов. — М.: Изд-во Московского психолого-социального института. 2012. — 512 с.
13. Криминалистика: учебник / Под общ. ред. Р. С. Белкина. — М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. — 972 с.
14. Ларин А. М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого / А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова, В. М. Савицкий. — М.: БЕК, 2013. — 324 с.
15. Латыпов В. С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: монография / В. С. Латыпов. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 267 с.
16. Пертухин И. Л. Уголовный процесс: учебник / И. Л. Пертухин. — М.: ПБОЮЛ, 2011. — 412 с.
17. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. — М.: Норма, 2006. — 543 с.
18. Седова Т. А. Заключение и показания специалиста / Т. А. Седова. Уголовный процесс России: Общая часть: учебник для студентов юрид. вузов и факультетов / под ред. В. З. Лукашевича. — СПб: Питер, 2014. — 564 с.
19. Строгович М. С. Учебник уголовного процесса / М. С. Строгович. — М., 1938.
20. Яшин В. Н. Возбуждение дела в уголовном процессе России / В. Н. Яшин, А. В. Победкин, В. В. Аксенов. — Тула: Гриф и Ко, 2011. — 227 с.

Статьи, научные публикации

21. Власова Н. А. Пути совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе / Н. А. Власова // Рос. следователь. — 2000. — № 5. — С. 19–23.
22. Зажицкий В. И. Соотношение доказывания в уголовном процессе познания, осуществляемого в стадии возбуждения уголовного дела / В. И. Зажицкий // Рос. юст. — 2010. — № 7. — С. 31–36.
23. Земцова С. И. Использование результатов предварительного исследования в доказывании: проблемы и возможности / С. И. Земцова // Рос. следователь. — 2011. — № 24. — С. 16.
24. Корухов Ю. Г. Охрана прав и интересов личности при назначении и производстве криминалистических экспертиз в уголовном процессе / Ю. Г. Корухов // Избранные научные труды в 3-х т. Т. II. — М.: НП «Судекс»; НЭКЦ «КанонЪ» — 2013. — С. 212.

25. Маевский В. Допустимость доказательств, полученных органами дознания до возбуждения дела / В. Маевский // Рос. юст. — 2000. — № 6. — С. 38.
26. Масленникова Л. Проверочные действия в стадии возбуждения уголовного дела / Л. Масленникова // Социалистическая законность. — 1989. — № 6. — С. 48–49.
27. Махмутов М. Назначение исследований в стадии возбуждения уголовного дела / М. Махмутов // Законность. — 2010. — № 11. — С. 40–41.
28. Овсянников И. В. Дискуссиям о заключении специалиста 10 лет / И. В. Овсянников // Законность. — 2015. — № 2. — С. 48–51.
29. Плетнев В. Проблемные вопросы собирания доказательств по новому УПК / В. Плетнев // Рос. юст. — 2002. — № 9.
30. Подольный Н. А. Подготовительный этап к расследованию преступлений / Н. А. Подольный // Следователь. — 2002. — № 8. — С. 18–23.
31. Семенцов В. А. О допустимости производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела / В. А. Семенцов // Рос. следователь. — 2010. — № 12. — С. 7–10.
32. Сердюков П. П. К вопросу о доказывании в стадии возбуждения уголовного дела / П. П. Сердюков // Проблемы борьбы с преступностью. Вып. 1. — Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1970. — С. 142–152.
33. Синельщиков Ю. Полномочия прокурора в досудебном производстве по новому УПК / Ю. Синельщиков // Законность. — 2002. — № 3. — С. 6–10.
34. Соловьев А. К вопросу о статусе прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса по УПК РФ / А. Соловьев // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 84–87.
35. Францифоров Ю. Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела / Ю. Францифоров // Рос. юст. — 1999. — № 3.
36. Цигвинцева К. А. Оценка доказательств в стадии возбуждения уголовного дела / К. А. Цигвинцева, С. Д. Игнатов // Рос. судья. — 2010. — № 10. — С. 20–21.
37. Яшин В. Н. Проблемы и перспективы законодательного регулирования предварительной проверки первичных материалов о преступлениях / В. Н. Яшин // Современное состояние российского законодательства и его систематизация: Материалы круглого стола (23–24 сентября 1998 г., г. Тула). — М.: ЮИ МВД России, 1999. — С. 147–150.

Учебное издание

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Учебно-практическое пособие

Составители:

Вашенко Валентин Александрович,
Деркач Михаил Михайлович,
Загорьян Сергей Георгиевич,
Плеснёва Людмила Павловна

Редактор

А. В. Андреев

Подписано в печать 21.02.2017

Усл. печ. л. 5,25

Тираж 100 экз.

Формат 60 x 84/16

Заказ № 7

НИиРИО ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
ул. Лермонтова, 110